

ИСТОЧНИКИ ЦЕРКОВНАГО ПРАВА.

(Изъ лекцій покойнаго профессора Московскаго Университета,
А. С. Павлова).

I. Виды источниковъ церковнаго права и ихъ относительная важность.

§ 1. *Божественное право церкви, какъ первооснованіе и критерій ея положительнаго права.* Изъ понятія о церкви, какъ божественномъ учрежденіи, осуществляющемъ на землѣ недостижимыя ни въ какомъ другомъ человѣческомъ союзѣ цѣли христіанской религіи, необходимо слѣдуетъ, что первоисточникомъ основныхъ законовъ, опредѣляющихъ ея устройство и дѣятельность, служитъ *божественная воля* Основателя церкви, открытая Имъ послѣдней. Но и сама церковь, какъ живой организмъ, поставленный въ обыкновенныя условія человѣческой жизни, уполномочена своимъ Основателемъ развивать свое право, сообразно съ потребностями времени и мѣста. Кромѣ того, по своему положенію въ сферѣ мірскаго права, церковь находится въ зависимости отъ государства и отъ него получаетъ нормы, опредѣляющія ея *внѣшнія* права и отношенія. Такимъ образомъ, право церкви, по своему происхожденію, есть или *божественное* (*jus divinum*), или *человѣческое*, созданное частью самою церковью (внутреннее право), частью государствомъ (внѣшнее право).

Божественное право, относясь къ самому существу церкви и составляя первичныя основы ея устройства и дѣятельности, необходимо для нея во всѣ времена и, значить, имѣетъ характеръ неизмѣняемости. Источниками познанія этого право служатъ, прежде всего, *книги священнаго писанія*,

въ которыхъ содержатся непосредственныя откровенія божественной воли. Но каноническая важность правилъ религіозно-общественной или, что то-же, церковной жизни, содержащихся въ священномъ писаніи, не одинакова. На первомъ планѣ стоять, конечно, правила, данныя церкви Самимъ ея Основателемъ или отъ Его имени—Апостолами, какъ продолжателями божественнаго дѣла устроенія церкви. Затѣмъ слѣдуютъ правила церковной жизни и дисциплины, предписанныя Апостолами отъ своего собственнаго лица и ими же отличенныя отъ правилъ божественныхъ (1 Кор. 7, 12 и 25). Наконецъ, церковь находитъ для себя обязательныя законы и въ книгахъ священнаго писанія ветхаго заветъа, преимущественно въ Моисеевомъ законодательствѣ, о которомъ самъ Христосъ сказалъ: „Я пришелъ не разрушить законъ, но исполнить“ (Матѣ. 5, 17). Дѣйствительно, въ ученіи Іисуса Христа и Его Апостоловъ многія предписанія Моисеева законодательства, взятыя въ ихъ духъ и внутренней сущности и очищенныя отъ примѣси національно-еврейскихъ элементовъ, получили значеніе закона Божія и для христіанской церкви. Таковы, напримѣръ, извѣстныя десять заповѣдей Моисеева закона, составляющія основаніе общественной христіанской морали и вмѣстѣ какъ-бы сокращенный криминальный кодексъ церкви. Таковы и нѣкоторыя опредѣленія Моисеева законодательства, относящіяся къ брачному праву (напримѣръ, законы о родствѣ и свойствѣ, какъ препятствіи къ браку). Но самый фактъ нахождения въ книгахъ священнаго писанія тѣхъ или другихъ правилъ, имѣющихъ отношеніе къ внѣшнему порядку церковно-общественной жизни, еще не рѣшаетъ вопроса о присутствіи имъ характеръ нормъ божественнаго, неизмѣннаго права. Такъ, напр., въ одномъ изъ посланій Апостола Павла содержится правило: „подобаетъ епископу быти единыя жены мужу“ (1 Тимое. 3, 2); но мы знаемъ, что по дѣйствующему церковному праву для епископовъ обязательно безбрачіе. Въ объясненіе этого нужно сказать, что приведенное предписаніе Апостола дано было примѣнительно къ обстоятельствамъ времени, когда безбрачныхъ кандидатовъ на епископство находить было трудно; впослѣдствіи же церковь, какъ толковательница нормъ божественнаго права, въ томъ-же самомъ *jus divinum* нашла основаніе для правила, требующаго,

чтобы епископъ былъ безбраченъ.—Какой-же критеріи должно принять для безошибочнаго сужденія о томъ, что изъ правилъ церковно-общественной жизни, содержащихся въ священномъ писаніи, принадлежитъ къ *jus divinum*, и что не принадлежитъ? Такимъ критеріемъ можетъ служить только ясно выраженное сознание вселенской церкви, что *известное правило или установленіе имѣетъ свой источникъ въ божественной волѣ и относится къ самому существу церкви*, а не есть только предписаніе, вызванное исключительными обстоятельствами церкви первенствующей. Отсюда сама собою открывается необходимость другого источника для познанія нормъ божественнаго права, именно *священнаго преданія*. Подъ именемъ священнаго преданія разумѣется совокупность правилъ церковной вѣры и жизни, полученныхъ церковію отъ тѣхъ-же боговдохновенныхъ авторитетовъ, отъ которыхъ она имѣетъ и священныя писанія, но переданныхъ не въ письмени, а устно или въ непосредственно-апостольскихъ установленіяхъ. Указанія на этотъ источникъ церковнаго права находятся въ самомъ священномъ писаніи. Такъ, апостоль Павелъ даетъ вѣрующимъ наставленіе соблюдать преданія, полученные отъ него *словесно* или въ письмени. И по отношенію къ преданіямъ вопросъ о томъ, имѣютъ ли они характеръ нормъ божественнаго права, рѣшается въ послѣдней инстанціи авторитетомъ Вселенской церкви. Что она изначала и непрерывно соблюдала какъ несомнѣнно-апостольское преданіе, какъ необходимый законъ своей жизни, то—безспорно—должно быть относимо къ *jus divinum*, на ряду съ подобными же нормами, содержащимися въ священномъ писаніи. Содержаніе всей совокупности нормъ божественнаго права церкви можетъ быть выражено въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ: 1) Церковь есть непосредственно - божественное учрежденіе, назначенное для осуществленія въ родѣ человѣческомъ цѣли христіанской религіи—духовнаго обновленія нравственно падшаго человѣчества и воссоединенія его съ Богомъ; значитъ, она имѣетъ божественное право на существованіе. 2) Какъ видимое общество вѣрующихъ во Христа, поставленное въ обыкновенныя условія человѣческой жизни, церковь имѣетъ нужду въ опредѣленномъ внѣшнемъ порядкѣ своей земной жизни; значитъ, она уполномочена своимъ Основателемъ устанавливать этотъ порядокъ,

сообразно своему существу и назначенію, и охранять его отъ возможныхъ нарушеній со стороны частнаго произвола. 3) Для установленія и сохраненія порядка въ каждомъ человѣческомъ обществѣ необходима общепризнанная власть: такая власть существуетъ и въ церкви; она дана ей вмѣстѣ съ ея бытіемъ и, значитъ, точно такъ же, какъ и сама церковь, имѣетъ характеръ непосредственно-божественнаго установленія. 4) Осуществляя въ мірѣ такую жизненную цѣль, которая указана человечеству не человѣческимъ разумомъ, а божественнымъ, церковь, какъ видимый союзъ людей, существенно отличается отъ той высшей формы человѣческаго общежитія, которая называется государствомъ и въ которой осуществляются естественныя жизненныя цѣли людей, какъ существъ разумно-нравственныхъ. 5) Церковь основана на всѣ времена и для всего человечества; но условія ея внѣшней жизни не всегда и не вездѣ одни и тѣже. Поэтому она, при осуществленіи своей задачи, имѣетъ нужду, а слѣдовательно и право, измѣнять формы своего внѣшняго порядка, поскольку этотъ порядокъ не связанъ съ самымъ существомъ ея, т. е. не имѣетъ прямыхъ основаній въ божественномъ правѣ. 6) Какъ видимое общество, поставленное въ обыкновенныя условія человѣческой жизни, церковь имѣетъ нужду въ матеріальныхъ средствахъ для осуществленія своихъ цѣлей, поскольку эти цѣли относятся къ земной жизни вѣрующихъ. Другими словами: церковь *jure divino* имѣетъ имущественную правоспособность, основанную на необходимомъ требованіи ея земнаго существованія.

Изъ представленнаго очерка общаго содержанія нормъ божественнаго права церкви само собою открывается, что нормы эти не имѣютъ характера *юридическихъ* нормъ въ строгомъ смыслѣ этого слова и въ своей совокупности не составляютъ кодекса положительныхъ церковныхъ законовъ, развѣ навсегда опредѣлившихъ внѣшній порядокъ церковной жизни во всѣхъ его подробностяхъ. Христосъ далъ Своей церкви только основныя черты ея устройства и общее полномочіе дѣйствовать въ мірѣ сообразно своему назначенію. Такимъ образомъ, нормы божественнаго права служатъ только первооснованіями, высшими началами и критеріями положительнаго церковнаго права, которое ни

въ какомъ случаѣ не можетъ стоять въ противорѣчїи съ ея божественнымъ правомъ. Это положительное или *человѣческое* церковное право, создаваемое самою церковью при содѣйствїи государства, возникаетъ и развивается, какъ и всякое другое положительное право, въ двухъ формахъ: въ формѣ *законодательства* и въ формѣ *обычая*.

§ 2. *Законодательство, какъ источникъ церковнаго права.* Въ силу положительнаго существа и устройства церкви, *законодательство* естественно составляетъ самый обильный источникъ ея права. Органы законодательной власти въ церкви даны въ самомъ ея устройствѣ, въ ученїи о которомъ они и будутъ разсмотрѣны нами. Здѣсь же мы ограничимся только указанїемъ общихъ свойствъ собственно церковнаго, или каноническаго законодательства. Во 1-хъ, въ своемъ *содержанїи и дѣйствїи* оно ограничено *чисто церковными дѣлами и отношенїями*. Тамъ, гдѣ законодательная дѣятельность церкви переходитъ за предѣлы ея непосредственной компетенціи, гдѣ она своими законами затрагиваетъ отношенїя чисто гражданскїя или свѣтскїя, тамъ всегда предполагается формальное или молчаливое согласїе на то со стороны государства, которое, поэтому, въ правѣ видоизмѣнять и вовсе отмѣнять церковные законы, касающїеся дѣлъ и отношенїй гражданскихъ или государственныхъ. Во 2-хъ, по своему *направленїю* законодательство церкви вообще отличается строго консервативнымъ характеромъ. Его развитїе обусловлено необходимостью соблюденїя единства началъ церковной жизни во все времена и при всѣхъ обстоятельствахъ. Наконецъ, въ 3-хъ, согласно съ существомъ церкви, какъ союза, основаннаго на религиозной вѣрѣ и держащагося силою убѣжденїя, церковные законы обыкновенно составляются и формулируются не столько въ повелительномъ тонѣ *законствъ*, сколько въ формѣ *правилъ* убѣждающихъ и наставляющихъ, т. е. дѣйствующихъ на волю чрезъ совѣсть. Отсюда и древнее названїе ихъ—*каноны*, а не *leges*: отсюда и ихъ своеобразная *санкція*, состоящая въ угрозѣ нарушителямъ ихъ гнѣвомъ Божиимъ, карою небесною или дисциплинарнымъ наказанїемъ, налагаемымъ самою церковью и состоящимъ въ отлученїи отъ ея общества.

На ряду съ каноническимъ или собственно церковнымъ законодательствомъ, источникомъ права церкви служить и

законодательство гражданское. Конечно, какъ *общество религиозное*, существующее *jure divino*, церковь не можетъ быть *всецѣло* объектомъ законодательной дѣятельности государства. Но какъ внѣшній, видимый союзъ, она стоитъ внутри мірскаго правового порядка: ея члены суть вмѣстѣ и граждане государства. Отсюда само собою слѣдуетъ, что правовыя нормы, дѣйствующія въ данномъ государствѣ, простираютъ свое дѣйствіе и на церковь, опредѣляютъ, такъ сказать, ея правоспособность въ сферѣ мірскаго общественнаго порядка и рѣшаютъ вопросъ о томъ, насколько собственно церковныя законы имѣютъ силу и въ этомъ *мірскомъ* (гражданскомъ и политическомъ) порядкѣ. Словомъ: все *внѣшнее* право церкви имѣетъ своимъ источникомъ положительное гражданское и государственное законодательство. Что же касается до *внутреннихъ* церковныхъ дѣлъ и отношеній, то католическая церковь въ принципѣ отвергаетъ возможность опредѣляющаго участія здѣсь государственной власти; она допускаетъ возможность только *признанія* государствомъ уже существующихъ законовъ внутренняго церковнаго порядка, созданныхъ самою церковію. Напротивъ, съ точки зрѣнія православнаго и протестантскаго церковнаго права, государственная власть можетъ быть даже непосредственнымъ органомъ церковнаго законодательства, т. е. можетъ давать нормы и по внутреннимъ дѣламъ и отношеніямъ церкви. Но при этомъ всегда предполагается, что законодатель самъ принадлежитъ къ церкви и дѣйствуетъ въ строгомъ согласіи съ основными и неизмѣнными началами ея собственнаго права.

§ 3. Обычное право церкви. Законодательство не обнимаетъ всего дѣйствующаго права церкви; на ряду съ этимъ источникомъ церковнаго права необходимо признать съ такимъ-же значеніемъ и *обычай*. Обычаемъ, въ юридическомъ смыслѣ, называется такой образъ дѣйствій, обязательная сила котораго утверждается не на прямомъ предписаніи законодательной власти, а на общемъ убѣжденіи даннаго соціальнаго круга въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ необходимо держаться именно одного, а не другаго образа дѣйствій, другими словами—соблюдать одно опредѣленное правило. Вся совокупность такихъ правилъ и называется *обычнымъ правомъ*. Существованіе обычнаго права въ церкви

необходимо предположить уже потому, что церковь вообще въ своихъ дѣйствіяхъ консервативна и сообразуетъ ихъ съ примѣрами своего прошедшаго. И дѣйствительно, въ источникахъ каноническаго права мы находимъ весьма частыя и прямыя указанія на дѣйствіе въ церкви *обычаевъ* наряду съ законодательными нормами, т. е. *канонами* (1 Всел. соб. пр. 18; VI Всел. 39; Вас. В. 87 и др.). Правда, въ канонахъ древней церкви слово „обычай“ нерѣдко употребляется въ смыслѣ *преданія*, такъ какъ и тому и другому одинаково присущъ признакъ древности. Но на самомъ дѣлѣ обычай и преданіе—два совершенно различныя понятія. Преданіемъ называется то, что церковь производитъ отъ авторитетовъ, имѣющихъ для нея законодательную власть, именно—отъ Апостоловъ; слѣдовательно, преданіе подходитъ подъ понятіе нормы *законодательной* (только не писанной), и притомъ имѣющей значеніе нормы божественнаго права. Напротивъ, обычай непосредственно производится жизнью самого церковнаго общества и—слѣдовательно—принадлежитъ къ нормамъ *человѣческаго* права. Тѣмъ не менѣе, отождествленіе въ нашихъ источникахъ обычая съ преданіемъ допускается не безъ основанія. Только тотъ обычай можетъ получить въ церкви обязательную силу, который прямо или косвенно утверждается на общепризнанномъ церковномъ преданіи и ни въ какомъ отношеніи не противорѣчитъ этому послѣднему. Противорѣчіе церковнаго обычая съ несомнѣннымъ апостольскимъ преданіемъ служило бы доказательствомъ, что этотъ обычай не есть продуктъ истинно-церковнаго сознанія, и такимъ образомъ, самъ по себѣ опъ еще не доказываетъ дѣйствительнаго существованія соответственной ему церковно-юрдической нормы. Этою чертою обычное церковное право отличается отъ права свѣтскаго, или гражданскаго. Въ гражданскомъ правѣ неписанный законъ (или обычай) представляетъ собою первоначальную форму права, переходящаго потомъ въ писанные законы. Напротивъ, церковь съ своими божественными правилами, писанными и неписанными (т. е. преданіями), есть институтъ всецѣло положительный, жизнь и дѣятельность котораго утверждается на положительныхъ предписаніяхъ закона Божія. Для того, чтобы обычай получилъ силу церковнаго закона, отъ него требуется, во 1-хъ, чтобы онъ былъ *consuetudo rationalis*,

т. е. чтобы не противорѣчить духу и существу какъ всей церкви, такъ и въ частности природѣ того института, котораго онъ касается; во 2-хъ, чтобы онъ былъ *consuetudo legitime praescripta*, т. е. чтобы его существованіе и дѣйствіе могло быть доказано за болѣе или менѣе продолжительное время. Если церковный обычай удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, то онъ можетъ быть не только *consuetudo praeter legem*, т. е. восполнять пробѣлы церковнаго законодательства, но и *consuetudo contra legem*, т. е. ограничивать дѣйствіе закона и даже прямо заступать его мѣсто, (отмѣнять его). Объяснимъ это примѣромъ. Дѣйствующій законъ нашей церкви требуетъ, напримѣръ, чтобы при крещеніи младенца былъ одинъ воспріемникъ, лицо одного пола съ крещаемымъ, и ставить этого воспріемника въ отношеніе духовнаго родства къ воспріятому и его родителямъ, а это духовное родство имѣетъ извѣстное юридическое значеніе, именно въ сферѣ брачнаго права. Между тѣмъ обычай требуетъ, чтобы у каждаго крещаемаго, какъ духовно новорожденнаго, было два воспріемника въ качествѣ духовнаго отца и матери, и обонхъ этихъ лицъ ставить въ отношеніе духовнаго родства, какъ къ воспріятому и его родителямъ, такъ и между собою. При постоянномъ соблюденіи этого обычая противоположный ему церковный законъ дѣйствуетъ въ брачномъ правѣ лишь настолько, насколько церковно-общественное сознаніе допускаетъ возможность диспенсаціи (освобожденія) отъ обязательной силы обычая.

II. Исторія источниковъ церковнаго права.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Исторія общаго церковнаго права.

§ 4. *Дѣленіе ея на періоды*—Исторію источниковъ общаго церковнаго права и ихъ практическаго употребленія въ православной греко-восточной церкви можно раздѣлить на четыре періода, изъ которыхъ первый простирается отъ начала христіанства до эпохи признанія его государственною религіей въ римской имперіи при Константинѣ Великомъ; второй періодъ—отъ Константина Великаго до изданія Фотіева Номоканона въ концѣ IX столѣтія;

третій—отъ конца IX до половины XV столѣтїя, или до паденїя Византїйской имперїи и, наконецъ, четвертый — отъ завоеванїя Константинополя турками до настоящаго времени.

ПЕРІОДЪ I.

Отъ основанїя церкви до Константина Великаго

§ 5. *Источники церковнаго права въ этомъ періодѣ.*—Первыя христіанскія общины управлялись своими предстоятелями, епископами, по тѣмъ нормамъ, какія даны были въ писанїяхъ и преданїяхъ апостольскихъ и которыхъ всѣ держались съ неизмѣнною вѣрностью, какъ общаго и необходимаго канона церковной жизни и дисциплины. Единство основанїй церковнаго порядка поддерживалось живыми сношенїями между отдѣльными христіанскими общинами, которыя въ своей совокупности сознавали себя, какъ одно цѣлое, какъ одну *вселенскую церковь* (*ἐκκλησία καθολική*). Внѣшними центрами этого единства служили тѣ церкви, которыя основаны были непосредственно самими апостолами и въ которыхъ поэтому другія, позднѣйшія церкви видѣли для себя живой образецъ вѣры и дисциплины. Такими центрами были: на востокѣ—церкви *іерусалимская, антїохійская и александрійская*, на западѣ—*римская*. Но повсемѣстное дѣйствіе этихъ и тѣхъ же началъ церковной жизни не исключало возможности возникновенїя въ помѣстныхъ церквахъ нѣкоторыхъ особенныхъ правовыхъ нормъ, соблюдавшихся подъ именемъ *отеческихъ преданїй и обычаевъ*. Эти особенности, въ силу присущаго церкви стремленїя къ единству въ ученїи и дисциплинѣ, нерѣдко подавали поводъ къ спорамъ между отдѣльными церквами по вопросамъ, для рѣшенїя которыхъ не было прямыхъ основанїй въ общемъ церковномъ преданїи. Въ такихъ случаяхъ составлялись церковные соборы (*σύνδοσι, concilia*) изъ представителей отдѣльныхъ церквей, и спорный вопросъ рѣшался на основанїи преданїя *старшихъ* церквей, основанныхъ лично тѣмъ или другимъ Апостоломъ. Соборныя опредѣленїя (*ψήφοι συνδικαί, sententiae synodales, s. conciliarum*), если дѣло представляло важность для всей церкви (напр. споръ о крещенїи еретиковъ, о принятїи отпадшихъ отъ христіанства), сообщались въ окружныхъ посланїяхъ и другимъ церквамъ, представители которыхъ лично не

принимали участія въ соборныхъ совѣщаніяхъ. Если такое опредѣленіе дѣйствительно было повсюду принимаемо за правильное, то оно получало значеніе *канона*, т. е. общеобязательной нормы. Впрочемъ, въ разсматриваемый періодъ только *догматическія* опредѣленія соборовъ достигали всеобщаго признанія; что-же касается до чисто-дисциплинарныхъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ вѣрѣ постановленій, то дѣйствіе ихъ обыкновенно ограничивалось только тѣми предѣлами, въ которыхъ соборъ былъ непосредственно компетентенъ. Потому-то въ тѣ времена еще не было въ обычаѣ называть дисциплинарныя опредѣленія соборовъ канонами и давать имъ редакцію строго-формулированныхъ правилъ, въ какой они являются въ слѣдующемъ, второмъ періодѣ. По той же причинѣ мы не имѣемъ отъ этого періода ни одного соборнаго дисциплинарнаго опредѣленія, которое вошло бы въ составъ общецерковнаго каноническаго кодекса, т. е. сдѣлалось источникомъ общаго церковнаго права.

Частѣйшіе вопросы церковной дисциплины, не имѣвшіе общецерковной важности, рѣшались отдѣльными іерархическими лицами въ такъ называемыхъ каноническихъ *ответахъ* (*responsa canonica*) или *посланияхъ* (*epistolae canonicae*). Такія посланія всего чаще писались епископами старшихъ церквей въ отвѣтъ на вопросы епископовъ церквей младшихъ, находившихся въ извѣстномъ подчиненіи своей митрополіи. Отвѣтныя посланія обыкновенно давались на имя лица вопрошавшаго и формально не имѣли для него обязательной силы. Но всеобщее уваженіе, какимъ пользовались нѣкоторые изъ авторовъ такихъ посланій, и внутренній авторитетъ самыхъ отвѣтовъ, т. е. ихъ строгое согласіе съ общимъ духомъ апостольскаго преданія и соответствіе съ природою церковныхъ институтовъ, были причиною того, что въ слѣдующемъ періодѣ нѣкоторыя изъ каноническихъ посланій, явившихся въ разсматриваемое время, получили одинаковое значеніе съ соборными канонами. Словомъ, судьба этихъ *responsa canonica* была та-же, что и судьба извѣстныхъ *responsa prudentium* римскаго права, которые также давались юристами, какъ частными лицами, но благодаря своему внутреннему достоинству въ императорскій періодъ получили значеніе законовъ, а въ эпоху Юстиніановой кодификаціи составили особую часть законодательнаго

свода, называемую *Digesta*. Подобно имъ и *responsa canonica*, бывшія сначала необязательными частными сужденіями по церковнымъ вопросамъ, впоследствии сдѣлались источниками общаго церковнаго права. Отъ настоящаго періода мы имѣемъ въ каноническомъ кодексѣ нашей церкви по одному посланію трехъ отцовъ Восточной церкви, именно: *Діонисія александрійскаго* († 265) о продолжительности поста предъ Пасхою и пр., *Григорія неокесарійскаго* († 270) — о мѣрахъ противъ тѣхъ христіанъ, которые во время нашествія варваровъ сдѣлались виновными въ различныхъ преступленіяхъ противъ религіи и церкви, и *Петра александрійскаго* († въ нач. IV в.) — о томъ, какъ должно поступать съ *папшими*, т. е. отрешившимися отъ вѣры во время гоненія на христіанъ, воздвигнутаго императоромъ Діоклетіаномъ. Но значеніе источниковъ общецерковнаго права эти *epistolae canonicae* получили, повторяю, только уже въ слѣдующемъ періодѣ.

§ 6. *Сборники источниковъ церковнаго права.*—Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами нормъ церковной дисциплины въ церквы три столѣтія наибольшимъ уваженіемъ пользовались, конечно, нормы апостольскаго проповѣданія, которыя содержались какъ въ писаніяхъ, такъ и въ преданіяхъ Апостоловъ, т. е. въ ихъ наставленіяхъ, данныхъ словомъ и личнымъ примѣромъ. Для того, чтобы нормы этого послѣдняго вида не пришли въ забвеніе или не подверглись искаженію, уже весьма рано пашли пужнымъ дать имъ письменную форму. Такъ явилась довольно значительная масса *апокрифовъ*, т. е. такихъ писаній христіанской древности, которыя выдають себя за подлинныя произведенія Апостоловъ, но на самомъ дѣлѣ содержатъ въ себѣ только ихъ устные преданія, да и то не всегда въ чистомъ видѣ, а нѣкоторыя и прямо составлены еретиками. Старшій изъ апокрифовъ, такъ наз. *Λδοχὴ τῶν δώδεκα Ἀποστόλων*, относится, по всей вѣроятности, къ началу II-го столѣтія нашей эры. Здѣсь отъ лица Апостоловъ излагаются разныя наставленія, касающіяся христіанской вѣры и жизни и, между прочимъ, содержится нѣсколько нормъ церковно-юридическихъ. Этотъ старшій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ открытый апокрифъ ¹⁾, уже къ концу IV вѣка вы-

¹⁾ Именно—въ 1875 г. никомидійскимъ митрополитомъ Филовеемъ Вріевіемъ, которымъ и изданъ впервые въ 1883 г.

тѣсненъ быть изъ употребленія другимъ подобнымъ сборникомъ, такъ называемымъ *Апостольскими Постановленіями* (*Διατάξεις τῶν Ἀποστόλων*, *Constitutiones apostolicae*). Въ настоящемъ своемъ видѣ Апостольскія Постановленія состоятъ изъ 8 книгъ, въ которыхъ соединены въ одно цѣлое три самостоятельныхъ сборника, происшедшіе въ разные времена и отъ разныхъ авторовъ. Первоначальное зерно заключается въ первыхъ шести книгахъ, которыя составляли сначала особенный сборникъ, носившій названіе: *Наставленіе Апостольское* (*Διδαχὴ τῶν Ἀποστόλων*). Здѣсь въ видѣ общаго, соборнаго посланія Апостоловъ ко всѣмъ вѣрующимъ излагались наставленія, касающіяся различныхъ сторонъ церковной жизни и дисциплины. Къ этому сборнику, еще до перваго вселенскаго собора (325 г.), присоединены два другихъ въ качествѣ VII и VIII книгъ. Содержаніе перваго сходно съ вышеупомянутымъ „Ученіемъ XII апостоловъ“: послѣдній (VIII-я кн.), напротивъ, имѣетъ характеръ по преимуществу церковно-юридическій, содержа въ себѣ рядъ постановленій, изданныхъ, будто-бы, отъ лица каждаго изъ 12 апостоловъ, о рукоположеніи клириковъ, о правахъ епископовъ и другихъ предметахъ церковной дисциплины. Въ рукописяхъ эта третья составная часть Апостольскихъ Постановленій, какъ самостоятельное цѣлое, озаглавляется: „Постановленія св. Апостоловъ о рукоположеніяхъ“. По формѣ ея и весь сборникъ изъ 8 книгъ получили названіе *Апостольскихъ Постановленій*, изданныхъ, будто-бы, св. Климентомъ, третьимъ епископомъ римскимъ. Такъ называется все это цѣлое уже въ послѣднемъ (85) апостольскомъ правилѣ. Происхожденіе всѣхъ составныхъ частей Апостольскихъ Постановленій относятъ къ концу III или къ началу IV в.,—словомъ, къ концу перваго періода, на слѣдующихъ основаніяхъ. Во I-хъ, церковь представляется здѣсь еще гонимому языческимъ (римскимъ) государствомъ (кн. IV, гл. 9, кн. V, гл. I; кн. VIII, гл. 45; русск. перев. стр. 127, 130, 302). а извѣстно, что именно въ первые три столѣтія она нѣсколько разъ подвергалась кровавымъ гоненіямъ со стороны римскаго государства, видѣвшего въ ней вредную секту. Во 2-хъ, догматическое ученіе церкви въ Апостольскихъ Постановленіяхъ формулировано такъ, какъ требовала полемика церкви противъ ересей, возникавшихъ въ первые три столѣ-

тія (въ особенности противъ гностицизма); но здѣсь нѣтъ еще указаній на аріанскую ересь, осужденную первымъ вселенскимъ соборомъ (въ 325 году). Въ 3-хъ, церковные писатели IV вѣка говорятъ объ Апостольскихъ Постановленіяхъ, какъ общеизвѣстной книгѣ, и хотя не причисляютъ ее къ каноническимъ, однако рекомендуютъ для чтенія въ церквахъ (Аѳанасій александрійскій, Епифаній кипрскій и 85 ап. правило). Всѣ эти свидѣтельства принадлежатъ церкви Восточной, въ которой произошелъ и исключительно употреблялся сборникъ Апостольскихъ Постановленій. Но и на востокѣ сборникъ этотъ подвергся строгой цензурѣ со стороны пято-шестого или Трульскаго собора (691 года), который во 2-мъ своемъ правилѣ отвергъ Апостольскія Постановленія, какъ поврежденные еретиками. Тѣмъ не менѣе, составители греческихъ церковно-юридическихъ или каноническихъ сборниковъ и послѣ Трульскаго собора продолжали пользоваться Постановленіями, именно 8-ю книгою, въ которой, какъ уже сказано, всего болѣе содержится каноническаго матеріала. Отрывки изъ этой книги, черезъ посредство греческаго Номоканона, вошли и въ нашу Кормчую подъ именемъ правилъ верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла и всѣхъ 12-ти Апостоловъ (Кормч. гл. 2 и 3; ср. Ап. Пост. кн VIII, гл. 32, 33 и 46). По строгому смыслу трульскаго правила и эти отрывки, хотя въ нихъ нѣтъ ничего еретическаго, не имѣютъ каноническаго значенія. Они, дѣйствительно, и не приняты въ новую русскую редакцію каноническаго кодекса восточной церкви, въ такъ наз. „Книгу Правилъ“. Но какъ историческій памятникъ, Апостольскія Постановленія въ цѣломъ ихъ составѣ имѣютъ громадную важность. Они представляютъ намъ полную и живую картину церковной жизни и дисциплины въ первыя три столѣтія нашей эры.

Въ тѣсной связи съ Ап. Постановленіями стоитъ другой апокрифическій сборникъ уже чисто каноническаго содержанія, такъ называемыя *Правила Апостольскія* (*Κανόνες τῶν ἁγίων Ἀποστόλων*). Произошелъ этотъ сборникъ нѣсколько позднѣе Постановленій, какъ видно изъ того, что въ послѣднемъ (85-мъ) апост. правилѣ упоминаются уже 8 книгъ Апост. Постановленій. Поэтому и буквальное сходство, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, правилъ съ Постановленіями должно быть

объясняемо такъ, что послѣднія служили источникомъ для первыхъ, а не наоборотъ (Ср. Ап. Пост. III, 20, VIII, 4. 27 и правила 1 и 8 и др.).

Нѣтъ сомнѣнія, что значительная часть Ап. правилъ содержитъ въ себѣ нормы, сохранявшіяся въ церковной практикѣ отъ временъ апостольскихъ. Но нельзя отрицать и того, что нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ временамъ гораздо позднѣйшимъ. Таково, на примѣръ, 30-е правило, запрещающее домогаться епископства при помощи свѣтскихъ властей, или 37-е правило, предписывающее, чтобы въ каждой провинціи дважды въ году собирались церковные соборы: ясно, что то и другое правило могло произойти только въ тѣ времена, когда церковь вступила уже въ союзъ съ римскимъ государствомъ, т. е. при первыхъ христіанскихъ императорахъ, или, что тоже, не раньше половины IV вѣка. Вѣроятно, около конца того же столѣтія произошелъ и самый сборникъ Апостольскихъ Правилъ, какъ письменный памятникъ. Весьма загадочно и знаменательно одно обстоятельство: почти буквальное сходство нѣкоторыхъ апостольскихъ правилъ съ постановленіями антиохійскаго собора 341 г. ¹⁾ Какъ объяснить это сходство: соборъ ли пользовался уже готовымъ сборникомъ Апостольскихъ Правилъ, или наоборотъ—авторъ этого сборника черпалъ свой матеріалъ, между прочимъ, изъ постановленій названнаго собора? Если мы допустимъ первое, то останется совершенно непонятнымъ, почему соборъ, пользуясь источникомъ, который прямо производилъ себя отъ Апостоловъ, ни разу не указалъ и даже ни единымъ словомъ не намекнулъ на столь авторитетное основаніе своихъ постановленій. Напротивъ, составитель сборника Ап. Правилъ, несомнѣнно антиохійскій клирикъ (см. 37 правило, гдѣ употреблены спро-македонскія

¹⁾ Ср. напр.:
 Апост. Антиох.
 32 — 6
 33 — 7
 36 — 18.
 37 — 20
 38 и 40 — 24.
 41 — 25.

названія мѣсяцевъ), могъ имѣть свои, вполне понятныя, побужденія къ тому, чтобы обратить постановленія собора своей отечественной церкви въ правила самихъ Апостоловъ. Подобно Ап. Постановленіямъ, сборникъ Правиль Апостольскихъ образовался изъ разновременныхъ составныхъ частей. Первоначально онъ содержалъ въ себѣ первыя 50 правилъ, послѣ которыхъ въ старшихъ рукописяхъ стоитъ особый эпилогъ, показывающій, что тутъ когда-то былъ конецъ всего сборника. Въ такомъ же видѣ и составъ сборникъ этотъ въ концѣ V вѣка переведенъ былъ съ греческаго языка на латинскій римскимъ аббатомъ Діонніемъ Малымъ. Но уже во второй половинѣ слѣдующаго столѣтія *антиохійскій* пресвитеръ Іоаннъ Схоластикъ, авторъ систематическаго сборника церковныхъ каноновъ въ 50 титулахъ, зналъ всѣ нынѣ принятыя Восточною церковью 85 апостольскихъ правилъ. Если, такимъ образомъ, и этотъ дополненный составъ Ап. Правиль впервые встрѣчается намъ въ каноническомъ сборникѣ *антиохійскаго* происхожденія, то здѣсь же, по всей вѣроятности, произошли и послѣднія 35 правилъ, извѣстныя подѣ тѣмъ же именемъ. Первый несомнѣнный слѣдъ существованія сборника Апостольскихъ Правиль и употребленія ихъ въ церковной практикѣ встрѣчается въ постановленіи константинопольскаго собора 394 года. Соборъ этотъ прямо ссылается на правила апостольскія, имѣя въ виду, по всей вѣроятности, 74-е правило. Но замѣчательно, что председатель этого собора, патріархъ Нектарій, былъ родомъ изъ Тарса, который находился тоже въ *антиохійской* церковной области.

Судьба Апостольскихъ Правиль была не одинакова на востокѣ и западѣ. Латинскій переводчикъ ихъ Діонисій Малый въ предисловіи къ своему переводному каноническому сборнику прямо заявляетъ, что въ его время правила эти еще не пользовались общимъ признаніемъ и не считались подлинно апостольскими. Да и въ оглавленіи самого греческаго сборника они надписывались *οἱ λεγόμενοι τῶν Ἀποστόλων*— „такъ называемыя апостольскія“. Вскорѣ, именно въ первой четверти VI в., они подверглись на западѣ формальной проскрипціи, будучи отнесены римскимъ соборомъ при папѣ Геласіи къ числу апокрифическихъ и подложныхъ. Впрочемъ, этотъ соборный судъ не имѣлъ рѣшающаго вліянія на дальнѣй-

ную судьбу Апост. Правиль на западѣ. Благодаря тому обстоятельству, что каноническій сборникъ Діонисія Малаго, содержащій въ себѣ переводъ Ап. Правиль, вошелъ на западѣ во всеобщее употребленіе, и самыя эти правила сдѣлались тамъ источникомъ общаго церковнаго права. Не сразу усгановился авторитетъ этихъ правилъ и на востокѣ. Іоаннъ Схоластикъ, какъ *антиохіецъ*, принялъ ихъ въ свой упомянутый сборникъ безъ всякой оговорки. Но неизвѣстный авторъ нѣсколько позднѣйшаго греческаго немоканона въ XIV^о титулахъ, составленнаго въ Константинополь въ началѣ VII^{в.}, принимаетъ тѣ же правила съ такими же оговорками, какъ и Діонисій Малый, именно выражается о нихъ: „такъ называемыя апостольскія“ и прямо заявляетъ, что нѣкоторые считаютъ ихъ сомнительными (*ει καί τις αὐτοὺς ἀμφιβόλους ἡγήσαστο*). Только въ концѣ VII в. трульскій, VI-й всел. соборъ (691 г.), отвергшій, какъ мы видѣли, Апост. Постановленія, формально включилъ въ число общихъ источниковъ церковнаго права и 85 апостольскихъ правилъ, назвавъ ихъ „преданными намъ именемъ св. Апостоловъ“ (*παράδοθέντας ἡμῖν ὑπόσσει τῶν ἁγίων Ἀποστόλων*), значить—и онъ не смотрѣлъ на нихъ, какъ на подлинное произведеніи Апостоловъ, хотя и поставилъ ихъ, по примѣру существующихъ каноническихъ сборниковъ, на первое мѣсто въ ряду источниковъ церковнаго права. Такое мѣсто они удерживаютъ въ каноническомъ кодексѣ восточной церкви и до настоящаго времени.

О гражданскихъ или свѣтскихъ источникахъ церковнаго права въ разсматриваемомъ періодѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ первыя три столѣтія государство или игнорировало церковь, или формально относило ее въ разрядъ *collegia illicita* и преслѣдовало христіанъ кровавыми казнями.

ПЕРІОДЪ II.

Отъ эпохи признанія христіанства государственною религіею до изданія Фотіева Номоканона

I. Источники церковнаго права въ этомъ періодѣ.

§ 7. *Источники церковнаго происхожденія: соборныя каноны и каноническія посланія.* Съ эпохи признанія христіанства, при Кон-

стаятинѣ Великомѣ, господствующей религіей въ римской имперіи начинается новый и самый блистательный періодъ развитія церковнаго права,—періодъ, который по всей справедливости долженъ быть названъ *періодомъ образованія общецерковнаго или вселенскаго каноническаго кодекса*. Въ этотъ періодъ церковь, покровительствуемая государствомъ, могла безпрепятственно заняться развитіемъ и устройствомъ своего внутренняго порядка и дисциплины. Главнымъ органомъ этого развитія являются теперь *соборы*, получившіе уже характеръ правильнаго института. Принято было за правило, чтобы въ каждой церковной области мѣстные епископы дважды или, по крайней мѣрѣ, однажды въ годъ собирались, по приглашенію своего *митрополита* (епископа главнаго города провинціи), на соборъ для обсужденія общихъ дѣлъ и рѣшенія вопросовъ, вызываемыхъ мѣстною церковною жизнью и практикой. (См. апост. пр. 37; ник. 1 соб. 5; антиох. 20; халкид. 19; трул. 8). Опредѣленія этихъ областныхъ соборовъ, первоначально и сами по себѣ, были обязательны только для церквей той области, гдѣ соборъ являлся высшею церковною инстанціей. Но такъ какъ основанія церковной жизни и дисциплины повсюду были одинаковы, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что правила нѣкоторыхъ областныхъ соборовъ, соединенныя для удобства мѣстной практики въ одинъ сборникъ, мало по малу приняты были и въ другихъ церковныхъ областяхъ и такимъ образомъ дѣлались источниками общаго церковнаго права и безъ формальнаго признанія ихъ въ этомъ качествѣ. Такое значеніе получили въ настоящемъ періодѣ правила слѣдующихъ семи областныхъ соборовъ IV и V столѣтій: *анкирскаго* (314 г.), *неокесарійскаго* (314), *антиохійскаго* (341), *сардикскаго* (344), *гангрскаго* (362—370), *лаодикійскаго* (343—381) и *карфагенскаго* (419). Пять изъ этихъ соборовъ были греческіе, одинъ (сардикскій) смѣшанный—изъ греческихъ и латинскихъ епископовъ и одинъ—чисто латинскій (карфагенскій). Правила пяти греческихъ соборовъ получили общецерковное признаніе благодаря тому обстоятельству, что они вскорѣ послѣ ихъ изданія соединены были въ одномъ сборникѣ, который быстро распространился по востоку и въ продолженіе V-го вѣка сталъ извѣстенъ въ разныхъ переводахъ и на западѣ. Правила сардикскаго собора, на которомъ, какъ сказано, присутствовали латинскіе и греческіе

епископы, одновременно редактированы были на томъ и другомъ языкѣ, но такъ, что оба оригинала оказываются не всегда согласными между собою. Понятно, что въ западной церкви принятъ былъ латинскій оригиналъ, въ восточной—греческій. Определенія карфагенскаго собора 419 г. представляютъ собственно сводъ определенийъ всѣхъ предыдущихъ африканскихъ соборовъ. Въ римской и потомъ во всей западной церкви они получили признаніе благодаря тому, что въ концѣ V в. приняты были въ каноническій сборникъ Діонисія Малаго, на Востокъ же они стали извѣстны въ концѣ VI или въ началѣ VII в., когда здѣсь появился греческій переводъ ихъ, принятый въ каноническій кодексъ греческой церкви.

Кромѣ *обыкновенныхъ* областныхъ или помѣстныхъ соборовъ, періодически собиравшихся въ каждой провинціи, въ настоящій періодъ были еще *чрезвычайные* соборы, на которые, по приглашенію самихъ императоровъ (теперь уже христіанскихъ), являлись представители всѣхъ помѣстныхъ церквей и которые поэтому получили названіе *вселенскихъ* (*oἰκουμένη*). Они составлялись обыкновенно по поводу возникновенія въ церкви ересей, для ихъ осужденія и формальнаго установленія обще-церковной вѣры, въ противоположность еретическому ученію. Настоящему періоду принадлежатъ всѣ общепризнанные вселенскіе соборы, которыхъ было семь:

1, Никейскій 1-ый	въ 325 г.
2, Константинопольскій 1-ый	въ 381 г.
3, Ефесскій	въ 431 г.
4, Халкидонскій	въ 451 г.
5, Константинопольскій 2-ой ,	въ 553 г.
6, Константинопольскій 3-ій	въ 680 г.
7, Никейскій 2-ой	въ 787 г.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что только *догматическія* опредѣленія этихъ соборовъ, т. е. тѣ, въ которыхъ осуждались ереси и устанавливалось общецерковное ученіе, получили безспорное признаніе во всей церкви. Не то было съ дисциплинарными постановленіями, съ канонами вселенскихъ соборовъ. Только 20 правилъ 1-го вселенскаго собора сразу и повсюду приняты были, какъ непререкаемые церковные законы. Напротивъ, въ отношеніи къ правиламъ остальныхъ

соборовъ вселенскихъ между востокомъ и западомъ не было полного согласія. Такъ, восточная церковь знаетъ 8 правилъ II-го вселенскаго собора, а западная — только 4, и въ томъ числѣ отвергаетъ 3-е правило, которое ставитъ константинопольскаго епископа, *какъ столичнаго*, по преимуществамъ чести, на равную степень съ римскимъ. Подъ именемъ правилъ II-го вселенскаго собора, ефесскаго, приняты были тою и другою церковью совершенно различные отрывки изъ актовъ этого собора. А на халкидонскомъ, IV^о вселенскомъ соборѣ имѣлъ мѣсто даже формальный протестъ папскихъ легатовъ, повторенный и самимъ папой Львомъ I,—протестъ противъ опредѣленія (пр. 28), которымъ константинопольскій епископъ совершенно приравнивался, по правамъ власти, римскому. Результатомъ протеста было то, что римская церковь приняла въ свой каноническій кодексъ только 27 правилъ халкидонскаго собора. Что касается V-го и VI-го вселенскихъ соборовъ, то они занимались рѣшеніемъ только догматическихъ вопросовъ и не издали никакихъ дисциплинарныхъ опредѣленій или каноновъ. Для восточной церкви этотъ недостатокъ восполненъ былъ особымъ константинопольскимъ соборомъ, созваннымъ въ 691 году императоромъ Юстиніаномъ II. Соборъ этотъ, какъ дополненіе V-го и VI-го вселенскихъ соборовъ, называется у грековъ *пятошестымъ* (*πενθέκτη*) ¹⁾, а по мѣсту своихъ засѣданій въ дворцовой залѣ, такъ наз. *трулль* (*τρούλλον*).—*трульскимъ*. Западная церковь не признаетъ за его правилами вселенскаго значенія, во первыхъ, потому, что на немъ не было ея представителей, т. е. папскихъ легатовъ; во вторыхъ, потому, что нѣкоторыя изъ его постановленій прямо направлены противъ обычаевъ и практики римской церкви (см. пр. 13, 55 и 73). Впрочемъ, значительная часть правилъ трульскаго собора (общее число ихъ 102), благодаря переводу ихъ на латинскій языкъ и принятію въ составъ частныхъ каноническихъ сборниковъ, находившихся на западѣ въ преимущественномъ употребленіи, сдѣлались источникомъ общаго церковнаго права; въ этомъ качествѣ они приводятся и въ Декретъ Граціана, составляющемъ первую часть

¹⁾ 2 й никейскій (VII вселенскій) соборъ называетъ его просто *шестымъ* изъ (прав. 6)

католическаго *Corpus juris canonici*. Наконецъ, правила VII вселенскаго собора, 2-го никейскаго, на которомъ присутствовали и папскіе легаты, формально приняты въ римской церкви только въ концѣ IX вѣка, когда они, вмѣстѣ со всѣми дѣянiями этого собора, переведены были на латинскій языкъ, по приказанiю папы Іоанна VIII, бібліотекаремъ его Анастасіемъ.

Наряду съ источниками *общаго* церковнаго права, которые содержались въ правилахъ разсмотрѣнныхъ нами областныхъ и вселенскихъ соборовъ, настоящій періодъ представляетъ еще огромную массу мѣстныхъ источниковъ, куда принадлежатъ: 1, опредѣленія всѣхъ другихъ областныхъ или провинціальныхъ соборовъ и 2, каноническія посланія единоличныхъ церковныхъ авторитетовъ. Нѣкоторые изъ этихъ источниковъ получили общее признаніе на востокѣ, другіе—на западѣ. Такъ, упомянутый нами трузскій соборъ 691 г. относитъ къ числу общихъ источниковъ каноническія посланія 12-ти отцевъ греческой церкви III, IV и V вв. ¹⁾ На западѣ изъ числа мѣстныхъ источниковъ особенно выдавались знаменитыя *epistolae decretales* римскихъ папъ. Уже въ V вѣкѣ эти *epistolae* имѣли здѣсь одинаковое значеніе съ соборными канонами и составляли необходимую принадлежность каждаго каноническаго сборника, составленнаго съ цѣлю обнять все дѣйствующее право церкви.

Постепенное обособленіе востока и запада въ признаніи источниковъ своего церковнаго права и почти непрерывные споры между епископами стараго и новаго Рима (Константинополя) изъ-за правъ власти кончились во второй половинѣ IX вѣка открытымъ и формальнымъ расколомъ обѣихъ церквей. Поводомъ къ этому послужило дѣло знаменитаго патріарха Фотія, возведеннаго на кафедру императоромъ Василиемъ Македоняниномъ на мѣсто изверженнаго Игнатія. Папа Николай I протестовалъ противъ такого вмѣшательства государственной власти въ дѣла церкви. По

¹⁾ Діонисія и Петра александрійскихъ, Григорія неокесарійскаго (III в.), Аванасія александрійскаго, Василія Великаго, Григорія нисскаго, Григорія Богослова, Амфилохія иконійскаго, Тимофея, Теофила (IV в.) и Кирилла александрійскихъ и Геннадія константинопольскаго (V в.)

этому дѣлу въ Константинополѣ собирались три собора: первый, такъ наз. *двукратный*, въ 861 году, на которомъ въ присутствіи и при участіи папскихъ легатовъ, Фотій былъ утвержденъ на своей каѳедрѣ, а Игнатій объявленъ низложеннымъ; второй въ 869 г., на которомъ, по настоянію папы, отмѣнены были постановленія предыдущаго собора и патриархи помѣнялись своею участію; третій—879 г., извѣстный подъ именемъ *собора въ храмѣ св. Софіи*, на которомъ, подъ предсѣдательствомъ Фотія, возстановленнаго въ своемъ достоинствѣ, дѣло опять поставлено *in statu quo*. Каждый изъ этихъ соборовъ издавалъ каноны, составленные въ интересъ той или другой изъ спорящихъ сторонъ. Римская церковь признаетъ соборъ 869 г. за *осьмой* вселенскій и, значить, ставить его правила въ рядъ общихъ источниковъ церковнаго права. Напротивъ, восточная церковь придаетъ каноническое значеніе только правиламъ перваго и третьяго соборовъ, составлявшихся по дѣлу ея великаго патриарха. Съ этого времени востокъ и западъ уже ни разу не встрѣчаются въ признаніи однихъ и тѣхъ же источниковъ каноническаго права. Западъ пошелъ въ направленіи, указанномъ Ижексидоромъ; востокъ навсегда остался съ своимъ каноническимъ кодексомъ, образовавшимся въ періодъ вселенскихъ соборовъ.

§ 8. *Гражданскіе законы, какъ источникъ церковнаго права въ настоящемъ періодѣ.*—Вступивъ въ настоящемъ періодѣ въ союзъ съ государствомъ, церковь естественно должна была получить еще новый и обильный источникъ своего права въ законодательствѣ *христіанскихъ императоровъ*. Этому законодательству предстояла нелегкая задача—согласить церковный порядокъ съ государственнымъ, гражданскимъ, который былъ насквозь проникнутъ старымъ, языческимъ духомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть возможно большій просторъ преобразующему вліянію церкви на жизнь общества, воспитаннаго въ духѣ другой религіи или безъ всякой религіи. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, византійскіе императоры въ своихъ законахъ по дѣламъ церкви 1) давали свою санкцію соборнымъ опредѣленіямъ или канонамъ, которые вслѣдствіе того получали значеніе государственныхъ законовъ; 2) восполняли пробѣлы собственно церковнаго законодательства, почерпая матеріалъ для такихъ законовъ

большую часть изъ обычнаго права церкви; 3) расширяли предѣлы церковной юрисдикціи, предоставляя вѣдѣнію епископовъ многія дѣла чисто-гражданскія (преимущественно дѣла, касающіяся союза брачнаго и семейнаго); 4) оказывали церкви самое широкое покровительство въ сферѣ имущественнаго права, предоставляя ей здѣсь разныя привилегіи и отдавая въ ея руки всѣ дѣла общественной благотворительности; 5) опредѣляли внѣшнія права и обязанности клира, какъ особаго состоянія въ государствѣ; 6) охраняли единство церкви, преслѣдуя ереси и расколы, какъ государственныя преступленія. Всѣ эти дѣйствія законодательной власти въ греко-римской имперіи вытекали изъ того принципа, что церковь и государство, какъ тѣло и душа, составляютъ одинъ организмъ, и что между ними должно быть постоянное взаимодѣйствіе для общаго блага. Этотъ принципъ ясно высказанъ и довольно послѣдовательно проведенъ въ церковномъ законодательствѣ Юстиніана, которое поэтому какъ бы ассимилировалось съ церковнымъ правомъ въ греческихъ номоканонахъ. Сомнѣніе въ обязательной силѣ императорскихъ законовъ для церкви могло возникнуть только въ случаяхъ, когда эти законы противорѣчили канонамъ. Но въ Юстиніановомъ законодательствѣ случай такой коллизіи весьма рѣдки, ибо законодатель, по собственнымъ его словамъ (въ одной изъ новеллъ), „не стыдился согласовать свои законы съ соборными канонами“. Притомъ же, судя по характеру и содержанію многихъ церковныхъ законовъ Юстиніана, надобно предположить, что они изданы были по предварительному совѣщанію съ тѣми духовными іерархами, на имя которыхъ были адресованы въ видѣ рескриптовъ. Впрочемъ, въ 131 новеллѣ Юстиніанъ высказалъ общій руководительный принципъ, по которому гражданскіе законы должны быть безсильны противъ церковныхъ догматовъ, т. е. опредѣленныхъ церковію пунктовъ христіанскаго вѣровученія, но могутъ отмѣнять дисциплинарныя постановленія соборовъ, т. е. ихъ каноны, когда того требуетъ общее благо. Примѣръ такой отмѣны находимъ въ 137 новеллѣ, предписывающей, чтобы областные церковные соборы собирались не дважды въ году, какъ велятъ древніе церковные каноны, а однажды, что принято и на двухъ послѣднихъ вселенскихъ соборахъ (трул. 8; VII всел. 6).

Юстиніанъ былъ вмѣстѣ и кодификаторомъ всѣхъ государственныхъ законовъ по дѣламъ церкви, изданныхъ какъ его предшественниками, такъ и имъ самимъ: законы эти изложены въ первыхъ 13 титулахъ его Кодекса (т. е. сборника императорскихъ конституцій) и потомъ дополнены его новеллами. Не мало законовъ по дѣламъ церкви издано и позднѣйшими византійскими императорами, на примѣръ Пракліемъ, четыре новеллы котораго приняты церковію, какъ важное дополненіе къ церковнымъ законамъ Юстиніана.

Наряду съ законодательствомъ христіанскихъ императоровъ для церкви не потеряло практическаго значенія и древнее классическое римское право. Оно не только ставалось основаніемъ, на которомъ рѣшались въ *духовныхъ* судахъ дѣла гражданскія, предоставленныя вѣдомству церкви (на примѣръ, дѣла о завѣщаніяхъ духовныхъ лицъ или въ ихъ пользу, о легатахъ *ad rem causam*, т. е. объ отказахъ съ благотворительною цѣлью, объ условіяхъ брачнаго договора и т. п.), не только служило нормою для каноническаго процесса, но и въ *гражданскихъ* судахъ принималось за основаніе при рѣшеніи дѣлъ, касающихся гражданскихъ правъ церкви (на примѣръ, по вопросамъ о способахъ пріобрѣтенія имущества церковными установленіями, о давности по отношенію къ церковнымъ имуществамъ, объ освобожденіи рабовъ въ церкви и проч.). Что касается, въ частности, до западной, римской церкви, то она въ настоящемъ періодѣ явилась даже нарочитою хранительницею сокровищъ римскаго права среди варварскихъ народовъ, разрушившихъ западную римскую имперію. Церковь эта не только сама руководилась въ своихъ гражданскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ римскимъ правомъ (*ecclesia jure romano vivit*), игнорируя мѣстные варварскіе обычаи и законы, но и могущественно содѣйствовала принятію римскаго права во всѣхъ новыхъ западно-европейскихъ государствахъ.

III. Опыты кодификаціи источниковъ церковнаго права.

§ 9. *Общая замѣчанія о нихъ.* Понятно, что изъ всѣхъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами источниковъ церковнаго права должна была составлять весьма значительная масса церковно-правового матеріала. Съ тѣмъ вмѣстѣ открылась потребность въ составленіи специальныхъ сборниковъ, кото-

рые бы облегчали практическое употребленіе столь многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ. По своему содержанию сборники эти раздѣляются на *чисто-каноническіе* (содержащіе въ себѣ исключительно церковные каноны), *чисто гражданскіе* (содержащіе въ себѣ только государственные законы по дѣламъ церкви и отрывки изъ источниковъ римскаго права, насколько оно пригодно было для церкви) и *смѣшанные* (въ составъ которыхъ входили источники и церковнаго и государственнаго происхожденія). Разсмотримъ въ отдѣльности важнѣйшіе сборники, относящіеся къ этимъ тремъ категоріямъ.

1) Сборники чисто каноническіе.

§ 10. *Постепенное образованіе основнаго каноническаго кодекса и его составъ.* Каноническіе сборники, происшедшіе въ настоящемъ періодѣ, были дѣломъ частныхъ и большею частью неизвѣстныхъ лицъ. Тѣмъ не менѣе они имѣли весьма важное значеніе въ исторіи церковнаго права. Благодаря имъ, постановленія многихъ областныхъ соборовъ, первоначально обязательныя только на мѣстѣ своего происхожденія, сдѣлались источниками общаго церковнаго права. Объясняется это тѣмъ, что основанія церковной жизни и дисциплины повсюду были одинаковы, — слѣдовательно, и церковныя правила, изданныя въ одной мѣстности, оказывались вполне пригодными и для другой, тѣмъ болѣе, что въ началѣ настоящаго періода число писанныхъ правилъ въ каждой церкви было еще очень ограничено. Такимъ образомъ, соединеніе въ одномъ сборникѣ правилъ нѣсколькихъ соборовъ, хотя бы и мѣстныхъ, оказывалось дѣломъ, существенно важнымъ для церковной практики не только тамъ, гдѣ произошли эти правила и ихъ сборники, но и въ другихъ церковныхъ областяхъ. Первый опытъ частной кодификаціи соборныхъ каноновъ сдѣланъ былъ на греческомъ востокѣ, въ Малой Азіи, именно—въ Понтійскомъ діэцезѣ. Правила бывшихъ тамъ въ 314 году двухъ соборовъ: анкирскаго и неокесарійскаго, вѣроятно — вскорѣ послѣ ихъ изданія, соединены были кѣмъ-то такъ, что изъ нихъ составилось какъ бы одно цѣлое: правиламъ обоихъ соборовъ дана одна продолжающаяся нумерація. Этимъ надолго опредѣлился способъ изложенія соборныхъ каноновъ и въ позд-

иѣйшихъ сборникахъ. Первое прибавленіе указанной двух-частной сборникъ получилъ въ 20 правилахъ Никейскаго собора, бывшаго въ 325 году. Такъ какъ это былъ соборъ вселенскій, то его правила, хотя и позднѣйшія, войдя въ каноническій сборникъ Понтійскаго діецеца, были поставлены здѣсь на первомъ мѣстѣ, выше анкирскихъ и неокесарійскихъ, о чемъ и замѣчено въ надписаніи правилъ всѣхъ трехъ соборовъ, съ указаніемъ на ихъ хронологическое отношеніе; но первоначально принятый способъ счета правилъ былъ удержанъ и теперь, т. е. правила анкирскаго и неокесарійскаго собора не считались отдѣльно отъ никейскихъ, а слѣдовали за ними съ продолжающимся счетомъ, такъ что послѣ 20 правилъ Никейскаго собора, 1-ое правило анкирскаго считалось 21-мъ и такъ далѣе—до послѣдняго правила неокесарійскаго собора. Въ продолженіе IV и V вв описанный сборникъ пополнился правилами другихъ греческихъ соборовъ помѣстныхъ и вселенскихъ, именно: гангрскаго, антїохійскаго, лаодикійскаго, константинопольскаго I (вселенскаго II) и ефесскаго (вселенскаго III). Отсутствіе въ этихъ прибавленіяхъ строго-хронологическаго порядка доказываетъ, что они дѣлались въ разныхъ мѣстахъ, въ разные времена и разными лицами. Съ другой стороны, эти разновременныя и разномѣстныя прибавленія къ составу первоначальнаго каноническаго кодекса ясно указываютъ на то, что онъ постепенно входилъ въ общее церковное употребленіе. Въ 451 году по этому кодексу нѣсколько разъ были читаны правила прежнихъ соборовъ на IV вселенскомъ халкидонскомъ соборѣ, который въ первомъ своемъ правилѣ далъ и общее подтвержденіе всему содержанію сборника ¹⁾. Изъ цитатъ, приведенныхъ въ актахъ этого собора, видно, между прочимъ, что правила позднѣйшихъ соборовъ приписывались къ составу первоначальнаго каноническаго сборника по принятой въ немъ методѣ, т. е. безъ особаго счета для правилъ каждаго собора, а съ одной общей нумераціей. Такой же точно сборникъ въ концѣ V вѣка былъ въ ру-

¹⁾ Вотъ это правило по переводу нашей Книги Правилъ: „Отъ святыхъ отецъ на каждомъ соборѣ до нынѣ изложенныя правила соблюдать признали мы справедливымъ (*ἐδικαιώσαμεν*)“.

кахъ у римскаго аббата Діонисія Малаго, который, по просьбѣ Салонскаго (въ Далмаціи) епископа Стефана, перевелъ его на латинскій языкъ. Изъ перевода видно, что въ греческомъ оригиналѣ содержались подъ одной общей нумераціей правила семи восточныхъ соборовъ (никейскаго, анкирскаго, неокессарійскаго, гангрскаго, антиохійскаго, лаодикійскаго и константинопольскаго 1-го); общее число этихъ правилъ было 165. Къ этому составу своего оригинала Діонисій прибавилъ изъ другихъ греческихъ источниковъ, и уже съ особой нумераціей, 50 правилъ Апостольскихъ и 27 правилъ халкидонскаго собора. Первые онъ помѣстилъ во главѣ своего перевода а послѣднія—вслѣдъ за правилами вышешюименованныхъ греческихъ соборовъ. Въ самомъ же концѣ Діонисіева сборника стоятъ, въ латинскомъ оригиналѣ, правила двухъ западныхъ соборовъ: сардикскаго (344 г.) и карфагенскаго (419 г.). Такимъ образомъ, Діонисій былъ не только переводчикомъ готоваго греческаго кодекса, но и новымъ его редакторомъ, включившимъ въ этотъ кодексъ источники и греческаго и латинскаго происхожденія. Тотъ же Діонисій, по порученію папы Гормизды († 523), совершилъ и другой, замѣчательный трудъ: составилъ сборникъ только общепризнанныхъ церковныхъ правилъ, параллельно на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Сборникъ этотъ не дошелъ до нашего времени. Отъ него сохранилось только обращенное къ папѣ предисловіе, изъ котораго видно, что въ этомъ сборникѣ не нашли мѣста Правила Апостольскія, которыя, какъ мы видѣли, до Діонисія вовсе не были извѣстны на западѣ и еще при папѣ Геласіи († 496) прямо отнесены были къ числу апокрифовъ, затѣмъ — правила сардикскаго собора, греческій текстъ которыхъ, очевидно, не былъ извѣстенъ Діонисію, и наконецъ—правила карфагенскаго собора, существовавшія тогда только въ латинскомъ оригиналѣ. Понятно, почему этотъ сборникъ утратился и, вѣроятно, весьма рано. Онъ былъ непригоденъ для практики, такъ какъ не обнималъ всего дѣйствующаго права ни латинской, ни греческой церкви. Практика требовала, напротивъ, чтобы къ кодексу общепризнанныхъ каноновъ присоединялись источники мѣстнаго церковнаго права, т. е. такіе, дѣйствіе которыхъ ограничивалось, по крайней мѣрѣ—первоначально, только мѣстомъ ихъ происхожденія. Такъ образовались мѣстныя ре-

дакціи обще-церковнаго каноническаго кодекса. Изъ нихъ особенно замѣчательны, въ историческомъ отношеніи, слѣдующія три: *римская, испанская и греческая.*

§ 11. *Мѣстные редакціи каноническаго кодекса—римская и испанская; сборникъ Лжеисидора.* Кодификаторомъ особенныхъ источниковъ каноническаго права *римской* церкви былъ вышеупомянутый Діонисій Малый, переводчикъ правилъ общепризнанныхъ греческихъ соборовъ. Въ дополненіе къ этому переводу онъ, по просьбѣ римскаго пресвитера Юліана, составилъ особый сборникъ папскихъ декреталовъ, т. е. каноническихъ рѣшеній и посланій римскихъ папъ, пачиная съ Сиріція (385—398) и оканчивая Анастасіемъ II (496—498). Сборникъ этотъ, вскорѣ послѣ его изданія, присоединенъ былъ къ первому, пореведенному Діонисіеву сборнику и вмѣстѣ съ нимъ получилъ на западѣ всеобщее признаніе. Въ 774 году тотъ и другой сборникъ, какъ одно цѣлое, съ прибавленіемъ разныхъ позднѣйшихъ источниковъ, посланъ былъ папою Адріаномъ I въ даръ франкскому королю Карлу Великому (сдѣлавшемуся въ послѣдствіи западнымъ императоромъ) и чрезъ это получилъ во франкской церкви такое значеніе, что уже въ IX в. мѣстные соборы и королевскіе сеймы называли его не иначе, какъ *Codex canonum.*

Кодексъ *испанской* церкви получилъ окончательную редакцію около половины VII столѣтія. Онъ обыкновенно называется Исидоровымъ, по имени св. Исидора Севильскаго († 636), которому неправильно приписывалось его составленіе. По своему составу испанскій каноническій кодексъ сходенъ съ римскимъ, какъ онъ редакцированъ Діонисіемъ Малымъ, именно: въ первой части содержитъ источники общаго церковнаго права, т. е. правила уже извѣстныхъ намъ греческихъ соборовъ, но не въ Діонисіевомъ переводѣ, а въ другомъ, такъ наз. Исидоровомъ, затѣмъ правила сардинскаго и карфагенскаго соборовъ въ латинскомъ оригиналѣ, и наконецъ—постановленія мѣстныхъ испанскихъ и сосѣднихъ галльскихъ соборовъ. Вторая часть содержитъ въ себѣ Діонисіевъ сборникъ папскихъ декреталовъ съ разными дополненіями. Мнѣніе, что редакція испанскаго каноническаго кодекса принадлежитъ св. Исидору Севильскому, утверждается только на томъ обстоятельстве, что предисловіе къ этому кодексу читается и въ сочиненіи Исидора, такъ наз. *Этимологіяхъ.*

Испанскій каноническій кодекс преимущественно важенъ въ томъ отношеніи, что онъ послужилъ основаніемъ для знаменитаго сборника Лжеисидоровыхъ декреталовъ. Появленіе этихъ подлоговъ объясняется тѣмъ преобладающимъ значеніемъ, какое имѣли на западѣ папскія *epistolae decretales* сравнительно съ другими источниками церковнаго права. Власть папы въ то время была уже такова, что его голосъ имѣлъ рѣшающее значеніе для всего христіанскаго запада не только въ вопросахъ дисциплины или права, но и самаго вѣроученія. Въ сборникѣ Лжеисидора находится около ста подложныхъ декреталовъ, приписанныхъ большею частію папамъ первыхъ двухъ столѣтій нашей эры, и нѣсколько другихъ подложныхъ статей, напримѣръ—дарственная грамота Константина Великаго, будто бы данная папѣ Сильвестру, когда названный императоръ переносилъ столицу изъ Рима въ Константинополь. Въ грамотѣ говорится, что императоръ оставляетъ Римъ и Италію для того, чтобы отдать эту старую столицу и ея территорію римскому первосвященнику, подлѣ котораго неприлично быть свѣтскому государю. Кромѣ этихъ подлоговъ, и текстъ подлинныхъ источниковъ, содержащихся въ названномъ сборникѣ, тенденціозно искаженъ для согласованія ихъ съ подложными. Подлогъ иногда до того грубъ, что трудно понять, какъ могли не замѣтить его грамотные современники, сколько нибудь знакомые съ исторіей церкви. Такъ, напримѣръ, составитель декреталовъ, приписанныхъ папамъ первыхъ трехъ столѣтій, ставитъ этихъ папъ въ переписку съ такими лицами, которыя жили послѣ нихъ спустя нѣсколько столѣтій, или заставляеть ихъ приводить мѣста св. писанія по латинскому переводу—*вульгата*, принятому западною церковію не ранѣе V вѣка. Очевидно, умы современниковъ были уже подготовлены къ принятію этихъ подлоговъ за подлинныя источники каноническаго права древней церкви, то есть за произведенія тѣхъ авторитетовъ, имя которыхъ носили на себѣ вымышленные декреталы. Позднѣйшіе составители каноническихъ сборниковъ, вошедшихъ въ общее употребленіе на западѣ, напримѣръ—Граціанъ, авторъ извѣстной намъ системы западнаго церковнаго права—Декрета, принятаго болонскою юридическою школою за *Corpus juris canonici*, черпали изъ Лжеисидора свой матеріалъ безъ всякаго разбора и такимъ

образомъ возвели его вымыслы въ незыблемыя основанія, на которыхъ прямо или косвенно утверждается все средне-вѣковое право католической церкви. Только въ XV столѣтіи, когда на западѣ появился духъ критики, возникло сомнѣніе въ дѣйствительной принадлежности нѣкоторыхъ декреталовъ папамъ, которымъ усвоилъ ихъ Лжеисидоръ, и это сомнѣніе послѣ неумолимой научной критики, какой подвергнуть былъ весь сборникъ реформатскимъ ученымъ Блонделемъ, сдѣлалось общимъ убѣжденіемъ. Теперь и самый ярый ультрамонтанъ—католикъ не рѣшится поднять голосъ за Лжеисидора. Но когда подлогъ сдѣлался очевиденъ и непререкаемъ, то католическіе теологи и канонисты, усиливаясь спасти честь своей церкви, стали доказывать, что вымыслы средне-вѣковаго компилятора, какъ человѣка частнаго и даже неизвѣстнаго, не имѣли того громаднаго вліянія на соціальное положеніе и на всю систему каноническаго права католической церкви, какое имъ приписываютъ; что Лжеисидоръ не самъ создалъ средне-вѣковыя церковно-юридическія и политическія воззрѣнія, а строилъ свою систему большею частью уже изъ готоваго матеріала и въ своихъ личныхъ вымыслахъ выражалъ только то, что уже было общимъ убѣжденіемъ эпохи. Тутъ, надо сознаться, есть доля правды: подлогъ не весь принадлежитъ Лжеисидору, многое онъ нашелъ уже готовымъ; но не нужно забывать общей тенденціи автора, которая побуждала его тщательно собирать доселѣ разрозненный матеріалъ въ одно громадное цѣлое, пригонять все къ одной общей идеѣ, ради которой онъ не задумывается въ одномъ мѣстѣ прибавить, въ другомъ измѣнить смыслъ подлинныхъ источниковъ, въ третьемъ, наконецъ, дать полную волю своей фантазіи. Словомъ: Лжеисидоръ возвелъ свои чужіе вымыслы въ грандіозную систему, которая должна была могущественно импонировать на умъ средне-вѣковаго человѣка, въ особенности съ того времени, когда западные соборы и сами папы стали пользоваться подложными декретами, какъ несомнѣнно подлинными. Первый примѣръ ссылки на подложные декреты, заключающіеся въ Лжеисидоровомъ сборникѣ, встрѣчается въ актахъ *суассонскаго* собора 853 года: этимъ приблизительно опредѣляется время происхожденія сборника. Затѣмъ, на тѣ-же самые подложные декреты ссылался во 2-ой половинѣ IX столѣтія папа

Николай I въ своихъ спорахъ съ Константинопольскимъ патріархомъ Фотіемъ.

Отечествомъ Лжеисидора была, несомнѣнно, Франкская имперія. Это доказывается, во I-хъ, примѣрами первоначальнаго употребленія подложныхъ декреталовъ въ актахъ франкскаго суассонскаго собора; во 2-хъ, ихъ латынью, которая обилуетъ галлицизмами; въ 3-хъ, ихъ источниками, которые или прямо произошли во франкскомъ королевствѣ, или тамъ исключительно употреблялись. То обстоятельство, что Лжеисидоръ взялъ для своей фабрикаціи не мѣстный или, лучше сказать, не общепринятый на западѣ каноническій кодексъ, каковымъ былъ тогда сборникъ Діонисія Малаго, а менѣе извѣстный испанскій сборникъ, легко объясняется желаніемъ автора скрыть свои подлоги и связать ихъ съ авторитетнымъ именемъ св. Исидора Севильскаго, котораго чтитъ и Франція. Не кто былъ самъ этотъ таинственный фабрикаторъ, это до сихъ поръ остается и, кажется, навсегда останется загадкою. Неодинаково опредѣляется учеными и цѣль Лжеисидорова сборника съ его подлогами. Данные для рѣшенія этого вопроса, заключающіяся въ самомъ содержаніи компиляціи, состоятъ въ слѣдующемъ: во I-хъ, авторъ рѣшительно и во многихъ мѣстахъ отрицаетъ право свѣтской власти судить епископовъ и вообще лицъ духовныхъ; во 2-хъ, ослабляетъ власть надъ епископами не только государей, но и ближайшихъ органовъ высшей духовной администраціи (митрополитовъ, примасовъ и проч.) и подчиняетъ ихъ непосредственно папѣ; въ 3-хъ, предоставляетъ каждому клирику право апеллировать на приговоры компетентныхъ судебныхъ инстанцій къ папскому престолу, а послѣднему—безграничное право отмѣнять эти приговоры. Отсюда, въ связи съ обстоятельствами того времени, при которыхъ указанные пункты въ содержаніи лжеисидоровой компиляціи представляли жгучій жизненный интересъ, заключаютъ, что ближайшая цѣль всѣхъ подлоговъ состояла въ эманципаціи епископовъ отъ свѣтской и митрополитчей власти черезъ непосредственное подчиненіе ихъ папѣ. Такимъ образомъ, возвышеніе папской власти, вѣроятно, не было прямою цѣлью фальсификатора; но исторія, хотя бы вопреки его личному намѣренію, обратила его трудъ въ могущественное средство для достиженія *именно этой цѣли*

Основанная мысль сборника о превосходствѣ духовной власти надъ мірскою и есть именно тотъ краеугольный камень, на которомъ утверждалось духовно-матеріальное владычество папъ надъ средневѣковымъ западнымъ христіанскимъ міромъ. Все дальнѣйшее развитіе церковнаго права на западѣ опредѣлялось въ своемъ направленіи тѣми началами, которыя положили Лжеисидоръ.

§ 12. *Каноническій кодексъ греко-восточной церкви: сводъ церковныхъ правилъ I. Схоластика и Σύταγμα κατωνικών.* Перейдемъ теперь къ исторіи наиболѣе для насъ важнаго каноническаго кодекса восточной или *греческой* церкви. Первоначальный составъ и постепенный ростъ этого кодекса до V столѣтія, когда онъ явился въ латинскихъ переводахъ, намъ уже извѣстенъ. Это былъ хронологическій сборникъ общепризнанныхъ соборныхъ правилъ, подтвержденныхъ уже въ первомъ правилѣ четвертаго вселенскаго собора, или халкидонскаго, который, какъ мы видѣли, и самъ пользовался этимъ сборникомъ. Во времена Юстиніана, т. е. въ VI в., этотъ кодексъ общаго церковнаго права получилъ и на востокѣ такую редакцію, которая давала ему характеръ *лѣтнего*, греческаго церковнаго кодекса. Авторомъ этой редакціи былъ антиохійскій пресвитеръ Іоаннъ, по образованію и первоначальной профессіи адвокатъ (отсюда его прозваніе—Схоластикъ), а съ 557 г. патріархъ Константинопольскій. По примѣру какого-то неизвѣстнаго намъ лица, составившаго *систематическій* сборникъ канонѡвъ въ 60 титулахъ, который не дошелъ до нашего времени, Іоаннъ Схоластикъ сдѣлалъ такой же, т. е. систематическій сводъ общепризнанныхъ церковныхъ правилъ, раздѣленный на 50 титуловъ, и далъ ему такое надписаніе: *Συναγωγή τῶν θείων καὶ ἱερῶν κατόνων εἰς πενήκοντα τίτλους διηρημένη.* Въ началѣ этого свода, послѣ предисловія, помѣщенъ полный перечень источниковъ, изъ которыхъ онъ составленъ, именно: правила Апостольскія (въ количествѣ 85-ти), правила 9-ти греческихъ соборовъ (четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ: анкирскаго, неокесарійскаго, гангрскаго, антиохійскаго и лаодикійскаго) и правила сардикскаго собора въ *греческомъ* оригиналѣ, неизвѣстномъ Діонисію. Къ этимъ общепринятымъ источникамъ Іоаннъ Схоластикъ впервые прибавилъ *два каноническія посланія отца греческой церкви* Василія Великаго, раздѣливъ

ихъ на 68 правилъ. Эта прибавка и сообщила прежнему каноническому кодексу греческой церкви *мѣстный* характеръ, такъ какъ каноническія посланія отцовъ восточной церкви такъ же остались неизвѣстными на западѣ, какъ на востокѣ были неизвѣстны декреты римскихъ папъ. Сводъ Схоластика несомнѣнно имѣлъ весьма обширное и продолжительное употребленіе въ греческой церкви. Онъ былъ извѣстенъ и на западѣ даже въ IX вѣкѣ. По крайней мѣрѣ, на него ссылался папа Николай I въ письмѣ къ патр. Фотію въ доказательство того, что грекамъ должны быть извѣстны правила сардикскаго собора, благопріятныя папской власти, ибо они содержатся въ греческомъ сводѣ каноновъ въ 50 титулахъ. Не потерялъ своего значенія трудъ Схоластика и послѣ изданія знаменитаго греческаго номоканона въ XIV титулахъ,—напротивъ, перѣдко присоединялся къ этому послѣднему и, вѣроятно, вмѣстѣ съ нимъ переведенъ былъ на славянскій языкъ въ эпоху обращенія Моравовъ и Болгаръ въ христіанство, т. е. во второй половинѣ IX вѣка. Существуют переводы Схоластикова сборника и на языки другихъ народовъ, принявшихъ христіанство отъ грековъ (напримѣръ переводъ сирійскій).

Послѣ Схоластика, но еще до трульскаго собора 691 года, появился въ Константинополѣ новый сборникъ каноновъ: *Σύνταξις κανονική*, раздѣляющійся въ формальномъ отношеніи на двѣ части: систематическую и хронологическую. Въ первой излагалось содержаніе каноновъ въ XIV титулахъ, съ подраздѣленіемъ каждаго титула на большее или меньшее число главъ. Здѣсь каноны одинаковаго содержанія не приводились въ текстѣ, а только указывались (цитировались) цифрами. Во второй же части содержался самый текстъ правилъ въ прежнемъ хронологическомъ порядкѣ, какъ было въ первоначальныхъ сборникахъ. Въ сравненіи съ трудомъ Схоластика этотъ новый сборникъ имѣетъ важныя преимущества какъ въ матеріальномъ, такъ и въ формальномъ отношеніи. Въ матеріальномъ отношеніи преимущество этого сборника заключается въ томъ, что здѣсь мы встрѣчаемъ уже значительныя приращенія въ источникахъ каноническаго права греческой церкви. Такъ, кромѣ 85 правилъ апостольскихъ, каноновъ десяти соборовъ (четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ) и двухъ каноническихъ

посланий Василя Великаго, принятыхъ Схоластикомъ, неизвѣстный авторъ новаго сборника внесъ сюда, во 1-хъ, цѣлый каноническій кодексъ Африканской церкви, изданный Карфагенскимъ соборомъ въ 419 году, но только теперь переведенный съ латинскаго на греческій языкъ, и во 2-хъ, опредѣленія константинопольскаго собора, бывшаго въ 397 году при патріархѣ Нектаріи. Но самое значительное дополненіе къ прежнему кодексу каноновъ сдѣлано въ отдѣлѣ каноническихъ посланий св. отцовъ. Къ двумъ посланіямъ Василя Великаго, находящимся у Схоластика, авторъ новаго сборника прибавилъ, во 1-хъ, еще одно посланіе того-же отца, раздѣленное на 16 правилъ, поставивъ его впереди прежнихъ двухъ посланий; во 2-хъ, каноническія посланія и отвѣты слѣдующихъ восьми отцовъ греческой церкви III—V вв.: *Діонисія* и *Петра* александрійскихъ, *Григорія* неокесарійскаго, *Григорія* нисскаго, *Тимосея*, *Феофила* и *Кирилла* александрійскихъ и *Геннадія* константинопольскаго. При составленіи своей „Синтагмы“ неизвѣстный авторъ, несомнѣнно, пользовался латинскими сборниками Діонисія Малаго и одно прямо заимствовалъ у послѣдняго, а въ другомъ подражалъ ему. Прямо взять у Діонисія упомянутый кодексъ Африканской церкви, или—что тоже—правила карфагенскаго собора 419 г., а по примѣру Діонисіева сборника папскихъ декреталовъ, присоединеннаго къ канонамъ соборнымъ, неизвѣстный греческій собиратель увеличилъ составъ своего каноническаго сборника посланіями названныхъ отцовъ греческой церкви. Вліяніе Діонисія на нашего автора сказалось и въ томъ, что вопреки Схоластику, по въ полномъ согласіи съ Діонисіемъ, онъ отзывался о правилахъ апостольскихъ еще съ сомнѣніемъ въ ихъ подлинности.—Въ формальномъ отношеніи *Σύνταγμα κανονικόν* имѣетъ то преимущество передъ сборникомъ Схоластика, что въ ней весьма удачно соединены выгоды и систематическаго, и хронологическаго изложенія каноновъ. Тогда какъ Схоластикъ, по требованію своей системы, долженъ былъ разрушить первоначальный, *историческій* видъ каноновъ, т. е. размѣстить каноны одного и того же происхожденія по разнымъ титуламъ своего свода, неизвѣстный авторъ новаго сборника сумѣлъ удовлетворить требованіямъ и системы, и исторіи, образовавъ изъ первой части своего труда какъ бы анали-

тической, предметный указатель (въ видѣ цифровыхъ цитатъ) ко второй его части, гдѣ содержался самый текстъ правилъ въ первоначальномъ ихъ видѣ, т. е. въ той послѣдовательности, въ какой они изданы соборами и св. отцами. Въ системѣ Схоластика легко было найти правило, относящееся къ *известному предмету*, но весьма трудно было отыскивать правила *по ихъ принадлежности тому или другому церковному авторитету*, тогда какъ по новому сборнику легко давалось то и другое. О времени происхожденія этого сборника съ полной достовѣрностью можно сказать только слѣдующее: онъ появился *несомнѣнно* уже послѣ Іоанна Схоластика, умершаго въ 578 году, ибо въ немъ находится, какъ мы видѣли, значительная масса источниковъ каноническаго права, вовсе неизвѣстныхъ Схоластику; съ другой стороны, нельзя сомнѣваться и въ томъ, что сборникъ этотъ составленъ еще до Трульскаго собора, то есть, до 691 года. Это видно изъ того, что неизвѣстный авторъ „Синтагмы“ въ предисловіи къ своему труду отзывается о нѣкоторыхъ принятыхъ имъ источникахъ съ сомнѣніемъ въ ихъ канонической важности. Такъ, о правилахъ апостольскихъ онъ говорить, что не всѣ признають ихъ за подлинныя; на правила карфагенскаго собора 419 года, имъ самимъ впервые включенныя въ каноническій кодексъ восточной церкви, онъ смотритъ только какъ на источникъ мѣстнаго, особеннаго права Африканской церкви, хотя и находитъ, что они могутъ быть полезны для общецерковной практики; наконецъ, каноническія посланія отцовъ греческой церкви еще не имѣютъ въ его глазахъ одинаковаго значенія съ соборными правилами. Всѣ эти сомнѣнія и оговорки, конечно, не имѣли бы мѣста, если бы у автора было предъ глазами 2-е правило трульскаго собора, рѣшительно и навсегда утверждающее каноническую важность тѣхъ-же самыхъ источниковъ.

§ 13. *Формальное подтвержденіе состава греческаго каноническаго кодекса на трульскомъ соборѣ и позднѣйшія прибавленія къ нему.* Разсмотрѣнные нами два сборника каноновъ восточной церкви—сводъ Іоанна Схоластика и синтагма неизвѣстнаго автора, какъ мы уже выше замѣтили, были дѣломъ частныхъ лицъ. Они вошли въ общее употребленіе, благодаря тому, что облегчали для практики познаніе и примѣненіе упомянутыхъ источниковъ церковнаго права. Особеннымъ

уваженіемъ пользовался второй изъ названныхъ сборниковъ по его матеріальнымъ и формальнымъ преимуществамъ. Въ 691 году весь составъ этого сборника формально утвержденъ во 2-мъ канонѣ Трульскаго, пято-шестаго вселенскаго собора. Достаточно сравнить это правило съ перечнемъ источниковъ канонической синтагмы, стоящимъ въ ея началѣ, чтобы убѣдиться, что соборъ редактировалъ свое правило именно по этой синтагмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, соборъ исчисляетъ утверждаемыя имъ правила въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они изложены были въ Синтагмѣ неизвѣстнаго автора, и при этомъ не указываетъ ни числа правилъ каждаго собора, ни содержанія или оглавленія каноническихъ посланій св. отцовъ: то и другое, очевидно, предполагалось общеизвѣстнымъ изъ той церковной книги, въ которой всѣ эти правила содержались. По всей вѣроятности, въ составѣ ея находились уже и тѣ дополненія въ отдѣлѣ каноническихъ посланій св. отцовъ, которыя исчисляются въ соборномъ правилѣ, но которыя не показаны въ индексѣ источниковъ Синтагмы, поставленномъ послѣ предисловія къ ней, именно: каноническія сочиненія Аванасія александрійскаго, Григорія Богослова, Амфилохія иконійскаго и соборное постановленіе о перекрещиваніи еретиковъ, состоявшееся въ III в. подъ предѣдательствомъ кареагенскаго епископа, св. Кипріана. Само собою понятно, что и 102 правила самого трульскаго собора вскорѣ внесены были въ составъ утвержденной имъ канонической синтагмы. Ниже мы увидимъ, что она получила окончательную редакцію въ концѣ IX вѣка отъ руки знаменитаго патріарха Фотія.

2) Сборники чисто гражданскіе

§ 14. *Сборникъ Схоластика и Collectio constitutionum ecclesiasticarum.*—Постоянно возрастающее число и самое значеніе для церкви государственныхъ законовъ, какъ источниковъ церковнаго права, создавали потребность для практики имѣть особые сборники гражданскихъ законовъ, изданныхъ по дѣламъ церкви. Такіе сборники стали появляться и на востокѣ и на западѣ съ того времени, когда все дѣйствующее право греко-римской имперіи кодифицировано было Юстиніаномъ въ Институціяхъ, Дигестахъ и Кодексѣ и дополнено новыми законами этого императора, извѣстными

подъ именемъ *новеллъ*. Государственные законы, прямо касающіеся церкви, содержались собственно въ Кодексъ и новеллахъ. Отсюда преимущественно и черпали свой матеріалъ составители юридическихъ сборниковъ, предназначавшихся для церковной практики. Но мы уже выше замѣтили, что для церкви не теряло практическаго значенія и древнее римское гражданское право, кодифицированное въ Институціяхъ и Дигестахъ. Поэтому въ нѣкоторыхъ церковно-юридическихъ сборникахъ встрѣчаются извлечения и изъ этихъ двухъ законныхъ книгъ. Для насъ, конечно, имѣють особенную важность тѣ сборники этого рода, которые произошли на востокъ и потомъ сдѣлались источникомъ или, по крайней мѣрѣ, образцомъ и для русскаго церковнаго права. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ тѣмъ самымъ лицамъ, которые были редакторами и каноническаго кодекса греческой церкви. Такъ, извѣстный уже намъ Іоаннъ Схоластикъ, въ бытность свою патріархомъ Константинопольскимъ и по смерти Юстиніана († 565 г.), составилъ, въ дополненіе къ своему каноническому сборнику въ 50 титулахъ, извлечение изъ 12 новеллъ названнаго императора, (именно—изъ новеллъ: 6, 5, 83, 46, 120, 56, 57, 3, 32, 131, 67, 123), раздѣленное на 87 главъ. Новый трудъ Схоластика носилъ такое заглавіе: „Различныя постановленія изъ божественныхъ новеллъ благочестивой памяти Юстиніана, изданныхъ имъ послѣ Кодекса, именно такія постановленія, которыя въ особенности согласны съ божественными и священными канонами и доставляютъ имъ особенную силу и которымъ мы дали нѣкоторый порядокъ и счетъ для удобнѣйшаго нахождения искомой главы, такъ какъ эти главы извлечены изъ разныхъ новеллъ“. Этотъ сборникъ, вмѣстѣ съ каноническимъ сборникомъ Схоластика, вошелъ на востокъ въ общее церковное употребленіе. Еще въ XIII в. греческій монахъ Арсеній, въ послѣдствіи патріархъ Константинопольскій, въ своемъ сокращенномъ изложеніи каноническаго кодекса, пользовался 87 главами Схоластика, какъ единственнымъ гражданскимъ источникомъ церковнаго права. Во второй половинѣ IX вѣка тѣ же самыя главы, вмѣстѣ съ каноническимъ сводомъ Схоластика, были переведены, по всей вѣроятности—въ Болгарію; затѣмъ изъ болгарскихъ Кормчихъ онѣ перенесены и въ русскія. Въ печатной панетѣ

Кормчей онѣ составляютъ 42 главу. Подлинникъ впервые изданъ Геймбахомъ въ *Анѣкдота juris graeco-romani*, t. II, p. 145 sq.

Гораздо богаче по своему содержанію другой сборникъ этого рода, обыкновенно называемый *Collectio constitutionum ecclesiasticarum* или *Collectio tripartita*. Какъ видно изъ послѣдняго названія, сборникъ этотъ состоитъ изъ трехъ частей. Первая содержитъ въ себѣ первые 13 титуловъ Юстиніанова Кодекса, состоящіе исключительно изъ постановленій по дѣламъ церкви христіанскихъ римскихъ императоровъ, начинающая съ Константина В. и оканчивая самымъ Юстиніаномъ. Вторая даетъ въ 6 титулахъ извлеченія изъ Дигестовъ и Институцій, имѣющія отношеніе и къ церковному праву. Въ третьей предлагаются извлеченія изъ новеллъ Юстиніана, изданныхъ послѣ Кодекса. Нужно замѣтить, что вся эта замѣчательная компиляція составлена не на основаніи подлиннаго текста указанныхъ законныхъ книгъ Юстиніана, а по частнымъ передѣлкамъ этого текста, сдѣланнымъ византійскими юристами VI столѣтія (Анатоліемъ—Кодекса, Анонимомъ—Дигестъ и Институцій, Афанасіемъ—новеллъ). Составленіе этого сборника Цахаріэ фонъ—Лингенталь приписываетъ тому же неизвѣстному лицу, которому принадлежитъ вышеописанный каноническій сборникъ — *Σύνταγμα κληρικόν*. Основаніе этой догадки заключается въ слѣдующемъ: авторъ упомянутаго каноническаго сборника въ предисловіи къ нему говоритъ, между прочимъ, что въ дополненіе къ своему труду онъ помѣстилъ, въ особоѣ части его, извлеченія изъ императорскихъ конституцій и изъ сочиненій ученыхъ юристовъ (*ἐν ταῖς τῶν σοφῶν ἐρμηγείαις*), имѣющія отношеніе къ церковному праву¹⁾. А какъ настоящая церковно-юридическая компиляція есть единственная, въ которой приводятся мѣста изъ „сочиненій римскихъ юри-

¹⁾ Вотъ подлинныя слова автора: *Εἰ ποὺ χρειώδη πρὸς τὰς τοιαύτας κληρικὰς συγγραφὰς τὴν πολιτικὴν νομοθεσίαν ὑπέληφα, ταύτης βραχέα τε καὶ συντεταγμένα τοῖς συγγενέσι κεφαλαίοις προσήρμωσα ἐν ἰδιαῶντι μέρει τῆς δὲ τῆς βίβλου, τῶν εἰς ἐκκλησιαστικὴν ἀνηκόντων εὐτασίαν. Ἐν τε τοῖς βασιλικαῖς θεασίσμασι (Кодексъ и новеллы), Ἐν τε ταῖς τῶν σοφῶν ἐρμηγείαις, σύντομον ἐν συναγωγῇ ποιησάμενος ἔκθεσιν, ἅμα μὲν εἰς ἀνάμνησιν. ἅμα δὲ πρὸς τελείαν αὐτῶν τοῖς ἐπιτυχάνοισιν ἐρευνᾶν (см. перв. предисл. къ помок. Фотія, — *Pitra t. II, p. 447*)*

стовъ“, т. е. изъ Дигестовъ, то къ ней всего приличнѣе идутъ приведенныя слова *предисловія* къ каноническому сборнику.

3) Сборники смѣшаннаго содержанія (номоканоны).

§ 15. *Древнѣйшіе изъ этихъ сборниковъ.* — Описанныя нами сборники церковныхъ канонѡвъ и гражданскихъ законовъ церковнаго содержанія составлялись особо, отдѣльно одни отъ другихъ, какъ двѣ самостоятельныя части кодекса церковныхъ законовъ. Такое раздѣльное изложеніе канонѡвъ и законовъ выражало ту мысль, что только первые, каноны, составляютъ въ собственномъ смыслѣ источникъ церковнаго права, а послѣдніе служатъ только дополненіемъ и подтвержденіемъ канонѡвъ. Въ западной церкви, поставленной сравнительно независимо отъ свѣтской власти во всѣхъ государствахъ, возникшихъ, на развалинахъ западной римской имперіи, навсегда осталось въ силѣ то воззрѣніе, что каноны стоятъ неизмѣримо выше законовъ и никакъ не могутъ быть смѣшиваемы съ этими послѣдними. Напротивъ— въ восточной, греческой церкви, гдѣ вліяніе государственной власти на церковныя дѣла постоянно увеличивалось и гдѣ поэтому государственные законы получали для церкви все большую и большую важность, уже въ IV вѣкѣ пришли къ мысли составить изъ тѣхъ и другихъ источниковъ церковнаго права одно цѣлое, одинъ церковный кодексъ. А какъ сборники церковныхъ канонѡвъ, употреблявшіеся на востокѣ, были систематическіе (сборникъ Іоанна Схоластика въ 50 титулахъ и позднѣйшій сборникъ въ XIV титулахъ), то, въ силу вышеизложеннаго взгляда на отношеніе законовъ къ канонамъ, позднѣйшіе редакторы каноническаго кодекса признали цѣлесообразнымъ для церковной практики приписывать государственные законы по дѣламъ церкви подъ титулами той системы, въ какой излагались церковные каноны. Такъ произошли на востокѣ сборники смѣшаннаго содержанія, получившіе впоследствии названіе *номоканоновъ*.

Древнѣйшимъ номоканонѡмъ признается тотъ, который образовался изъ соединенія уже извѣстныхъ намъ каноническаго и гражданскаго сборниковъ Іоанна Схоластика. Авторъ этой компіляціи вполне удержалъ титулы Схоластика, но уже не приводитъ подъ ними полного текста

канонѡвъ, а только указывалъ ихъ цифрами, законы же гражданскіе выписывалъ подѣ каждымъ титуломъ дословно изъ Схоластикова сборника въ 87 главъ, дѣлая по мѣстамъ нѣкоторыя дополненія изъ Дигестъ (по перифразу Дорооея), Кодекса (по Исидору) и новеллъ (по Аѳанасію). Затѣмъ, чего онъ не сѣумѣлъ изъ 87 главъ помѣстить подѣ титулами каноническаго сборника, то приписалъ въ концѣ своей компиляціи подѣ заглавіемъ: „другія церковныя главы изъ тогоже новаго законоположенія“ (т. е. изъ того же сборника 87-главъ: *Ἐτερα κεφάλαια ἐκκλησιαστικὰ τῆς αὐτῆς νεαρᾶς διατάξεως*). Составленіе этого номоканона Цахаріэ относитъ ко времени императора Маврикія (582—602). Мнѣ кажется, напротивъ, что эта компиляція произошла нѣсколько позднѣе, имѣнно послѣ появленія номоканона въ XIV титулахъ, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь. По крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что въ номоканонѣ въ 50 титулахъ капоны церковныя не излагаются уже въ текстѣ, а только цитуются цифрами, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что авторъ этого номоканона имѣлъ уже передѣ глазами готовый образецъ такого изложенія канонѡвъ и законѡвъ въ номоканонѣ въ XIV титулахъ. Во все продолженіе среднихъ вѣковъ Номоканонъ въ 50 титулахъ оставался у грековъ въ обширномъ церковномъ употребленіи и, по требованію практики, испытывалъ разныя перемѣны и получалъ разныя дополненія. Между прочимъ, во многихъ рукописяхъ простыя цитаты канонѡвъ замѣнены полнымъ текстомъ ихъ.

Какъ изъ соединенія каноническаго и гражданскаго сборниковъ Іоанна Схоластика произошелъ номоканонъ въ 50 титулахъ, такъ изъ систематическаго указателя канонѡвъ въ XIV титулахъ и вышеописанной *Collectio tripartita* образовался знаменитый номоканонъ въ XIV титулахъ, обыкновенно приписываемый позднѣйшему редактору его, патріарху Фотію. Неизвѣстный составитель этого номоканона не только размѣстилъ все содержаніе названнаго гражданскаго сборника подѣ титулами канонѡвъ, но и дополнилъ его многими новыми извлеченіями изъ Дигестѡвъ, Кодекса и новеллъ. Сдѣлалъ ли редакторъ этого номоканона какія нибудь дополненія къ составу второй части того же сборника, въ которой содержался самый текстъ канонѡвъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ и которую, въ отличіе отъ пер-

вой, сдѣлавшейся теперь *номоканономъ*, принято исключительно называть *синтагмою*,—на это трудно сказать что нибудь рѣшительное. Несомнѣнно только одно, что спустя нѣсколько десятилѣтій послѣ появленія номоканона въ XIV титулахъ, трульскій соборъ 691 года, подтверждая составъ канонической синтагмы, относить къ числу источниковъ общаго церковнаго права и такія каноническія посланія отцовъ церкви, какія не указаны первоначальнымъ авторомъ синтагмы въ перечнѣ ея источниковъ, именно каноническія сочиненія Аѳанасія александрійскаго, Григорія Богослова, Амфилохія иконійскаго и Кипріяна карфагенскаго. А какъ соборное постановленіе этого послѣдняго уже цитруется въ номоканонѣ (тит. XII, гл. 14. *Συγг.* I, 273; *Pitra*, *Juris eccles. hist. et monum.* II, p. 609), и трульскій соборъ, говоря вообще, утверждалъ уже *наличный* составъ канонической синтагмы, то можно съ нѣкоторою вѣроятностію предполагать, что указанные прибавленія къ синтагмѣ принадлежатъ именно автору номоканона въ XIV титулахъ, а соборъ только подтвердилъ своимъ авторитетомъ эти дополненія. Время изданія этого номоканона, по всей вѣроятности, падаетъ на правленіе императора Ираклія (610 — 641). Такъ можно думать на томъ основаніи, что извѣстный уже намъ сборникъ—*Collectio tripartita*, служившій для автора номоканона въ XIV титулахъ главнымъ источникомъ, откуда онъ бралъ гражданскіе законы для своей компиляціи, имѣетъ въ концѣ особое позднѣйшее дополненіе, состоящее изъ 4-хъ новеллъ названнаго императора, и одна изъ этихъ новеллъ, изданная въ 612 году, уже цитруется въ 30-й главѣ 1-го титула номоканона (*Συγг.* I, 69; *Pitra* II, 477: *Ἐπὶ δὲ τὸλου τοῦ δεσπότης Ἰρακλείου*—название *правлящаго* императора).

О личности автора можно навѣрое сказать только одно, что онъ былъ юристъ, авторъ монографіи „о противорѣчіяхъ въ законахъ“ (*περὶ ἐναντιοφασείων*), которую онъ самъ цитуетъ въ 10-й главѣ IV-го титула номоканона (*Σ.* I, 124; *Pitra* II, 511). По заглавію этого сочиненія и самъ авторъ слылъ у позднѣйшихъ византійскихъ юристовъ подъ именемъ *Энантіофана* (такъ именно онъ называется въ схоліяхъ къ Базиликамъ). Примѣръ Іоанна Схоластика, сдѣлавшагося изъ адвоката патріархомъ, даетъ мѣсто предположенію, что этотъ юристъ былъ вмѣстѣ и лицо духовное. Бинеръ высказываетъ

догадку, что это могъ быть современный императору Ираклію патріархъ Сергій (609—638).

§ 16. *Номоканонъ въ XIV титулахъ и принадлежащая къ нему каноническая Синтагма въ редакціи патріарха Фотія.* Въ 883 году номоканонъ въ XIV титулахъ и принадлежащая къ нему хронологическая Синтагма каноновъ изданы были вновь. Новый издатель отнесся къ труду своего предшественника съ полнымъ уваженіемъ. Въ своемъ предисловіи, приписанномъ къ предисловію первоначальнаго автора, онъ прямо заявляетъ, что не хочетъ присвоить себѣ чужого труда, а желаетъ только возвысить его достоинство прибавленіемъ къ первоначальному его составу правилъ соборовъ, бывшихъ послѣ перваго изданія этой книги, именно соборовъ трулъскаго, никейскаго 2-го или вселенскаго седьмого, вмѣстѣ съ каноническимъ посланіемъ патріарха Тарасія, бывшаго предсѣдателемъ на этомъ соборѣ, къ папѣ Адріану, наконецъ— правилъ двухъ константинопольскихъ соборовъ, собиравшихся по дѣлу патріарха Фотія: *двуратнаго* и *софійскаго*. Кромѣ этихъ дополненій къ синтагмѣ каноновъ, новый издатель ея приписываетъ себѣ и нѣкоторыя дополненія къ номоканону, т. е. прибавленіе къ нему какихъ-то новыхъ гражданскихъ законовъ,—какихъ именно, онъ не указываетъ и мы теперь указать не можемъ.

Эту новую редакцію греческаго кодекса церковныхъ законовъ общее преданіе восточной церкви приписываетъ знаменитому патріарху Фотію. Но въ сравнительно недавнее время извѣстный знатокъ греко-римскаго или византійскаго права Цахаріэ фонъ-Лингенталь въ своемъ изслѣдованіи о греческихъ номоканонахъ (изданномъ въ Мемуарахъ нашей Академіи Наукъ за 1877 г.) высказалъ нѣсколько возраженій противъ достовѣрности этого преданія, которыя раздѣляетъ и нашъ русскій канонистъ, проф. Суворовъ въ своемъ курсѣ церковнаго права. Сущность возраженій Цахаріэ состоитъ въ слѣдующемъ. Во 1-хъ, заслуга новаго издателя номоканона такъ незначительна, что едва-ли можно приписать его столь ученому и выдающемуся лицу, каковъ былъ патріархъ Фотій, особенно если взять во вниманіе, что важнѣйшія дополненія къ первоначальному изданію номоканона и синтагмы, именно—правила трулъскаго и 7-го вселенскаго собора, конечно, были сдѣланы уже прежде Фотія,

вскорѣ послѣ изданія тѣхъ и другихъ правилъ. Во 2-хъ, если бы изданіе 883 года опубликовано было отъ лица вселенскаго патріарха, то было бы необъяснимо, какимъ образомъ во времена, очень близкія къ этой эпохѣ, продолжались появляться списки номоканона и синтагмы, представляющіе тотъ и другую въ первоначальномъ ихъ видѣ, а не въ новой официальной редакціи, — списки, сохранившіеся до нашего времени (наприм. Бодлеевъ № 715, довольно подробно описанный у Сахаріа), и почему вообще до XII вѣка, до времени Вальсамона, который въ своихъ толкованіяхъ на номоканонъ принимаетъ его за подлинное произведеніе патріарха Фотія, было игнорировано столь знаменитое имя. Въ 3-хъ, въ 883 году, когда вышло новое изданіе номоканона и синтагмы, Фотій не былъ патріархомъ, а лишь прежде и послѣ этого года.

Мы не можемъ согласиться ни съ однимъ изъ этихъ возраженій. Первое изъ нихъ устраняется или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабляется тѣмъ вѣроятнымъ предположеніемъ, что ближайшая или даже исключительная цѣль новаго изданія номоканона состояла въ томъ, чтобы включить сюда правила двухъ Константинопольскихъ соборовъ, на которыхъ Фотій былъ предсѣдателемъ и которые были благоприятны ему лично. На второе возраженіе замѣтимъ, что спустя три съ небольшимъ года послѣ изданія номоканона, именно въ 886 г., Фотій во второй разъ былъ лишенъ престола, что, конечно, не могло благоприятствовать быстрому и повсемѣстному принятію вновь редактированнаго имъ каноническаго кодекса. При томъ же не нужно забывать, что книги распространялись тогда путемъ переписки, вслѣдствіе чего тѣ или другія перемѣны въ ихъ составѣ и редакціи не вдругъ дѣлались общимъ достояніемъ, а въ отдаленныхъ провинціяхъ могли оставаться неизвѣстными и очень на долгое время. Наконецъ, ни откуда не видно, чтобы изданіе 883 г. было официально опубликовано отъ лица вселенскаго патріарха. Официально публиковались тогда только самые источники церковнаго права, а не сборники ихъ, которые какъ прежде, такъ и теперь, были дѣломъ частныхъ, хотя бы и іерархическихъ лицъ. Фотій не выставилъ своего имени въ новомъ изданіи номоканона потому же, почему не сдѣлалъ этого и первый авторъ той же книги. Тѣмъ не менѣе имя Фотія,

какъ новаго издателя номоканона, не было игнорировано на востокѣ до временъ Вальсамана. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ номоканона, написанныхъ еще задалго до того времени, когда убѣжденіе въ авторствѣ знаменитаго патріарха сдѣлалось на востокѣ всеобщимъ, имя его выставлялось противъ *второго* предисловія къ номоканону.—Что касается до третьяго и послѣдняго возраженія Сахаріэ, то оно прямо ошибочно. 883 годъ падаетъ на второе патріаршество Фотія, когда онъ стоялъ на верху своей славы и величія. Въ виду всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ нужно согласиться, что преданіе о принадлежности патріарху Фотію второй редакціи номоканона въ XIV титулахъ и соединенной съ нимъ синтагмы имѣетъ свои достаточныя основанія. Въ XII вѣкѣ это преданіе сдѣлалось только общимъ убѣжденіемъ, благодаря вышеупомянутому комментарію на номоканонъ, написанному величайшимъ изъ греческихъ канонистовъ—Вальсамономъ. Номоканонъ и синтагма въ редакціи патріарха Фотія до сихъ поръ составляютъ основаніе общаго церковнаго права на всемъ православномъ востокѣ.

§ 17. *Каноническіе синописы о схоліи.* Настоящій періодъ представляетъ намъ не только опыты болѣе или менѣе совершенной кодификаціи источниковъ церковнаго права, но и такія работы надъ ихъ текстомъ, которыя имѣли цѣлью содѣйствовать правильному пониманію и практическому употребленію отдѣльныхъ церковно-юридическихъ нормъ. Съ этою цѣлію составлялись такъ называемыя *синописы* и *схоліи* или *гlossы*. Синописомъ называлось сокращенное изложеніе общей мысли даннаго закона. Такимъ изложеніемъ, конечно, значительно облегчалось пониманіе закона въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда оригинальный текстъ закона изложенъ былъ пространно. Синописи нѣкоторыхъ церковныхъ канонѣвъ появились весьма рано, можетъ быть, вслѣдъ за ихъ изданіемъ, въ видѣ оглавленій надъ ихъ оригинальнымъ текстомъ. Въ такомъ именно видѣ дошли до насъ въ самомъ обще-церковномъ кодексѣ правила лаодикійскаго собора, бывшаго во 2-ю полов. IV в. Всѣ эти правила начинаются словами *περί τοῦ* или союзомъ *ὅτι*, т. е. о томъ, что и т. д. Синописи другихъ правилъ, содержащихся въ общепринятомъ каноническомъ кодексѣ, сдѣланы были, по всей вѣроятности, не прежде конца VI в., когда и у ви-

занятійскихъ юристовъ вошло въ обычай излагать текстъ источниковъ гражданскаго права въ сокращеніи (*επιτομή, σύντομος*). Цахаріэ въ своемъ специальномъ изслѣдованіи о каноническомъ синопсисѣ высказываетъ догадку, что старшая изъ дошедшихъ до насъ редакцій этого синопсиса произошла въ промежутокъ времени между появленіемъ сборника Іоанна Схоластика въ 50-ти титулахъ и анонимной канонической синтагмы съ систематическимъ указателемъ къ ней въ 14-ти титулахъ. Догадка эта основывается на томъ, что въ древнѣйшей редакціи синопсиса находится сокращенный текстъ каноническихъ посланій *только одного* Василия В., какъ и у Схоластика, но уже не *двухъ только* посланій, принятыхъ Схоластикомъ, а *трехъ*, какъ находимъ у автора синтагмы въ XIV титулахъ. Затѣмъ составъ каноническаго синопсиса увеличивался въ такой же мѣрѣ, въ какой возрастала и составъ канонической синтагмы съ полнымъ текстомъ правилъ. Позднѣйшія редакціи синопсиса дошли до насъ частью безъ имени авторовъ, частью съ именами Стефана, епископа ефесскаго, и Симеона Магистра. Послѣдній жилъ въ IX вѣкѣ, а о первомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Для практики синопсисъ представлялъ не только то удобство, что въ его изложеніи правила легче понимались и запоминались, но и то, что синопсисъ требовалъ меньше времени для переписки и меньшихъ затратъ на письменный матеріалъ, тогда очень дорогой.

Такъ какъ церковныя правила, содержавшіяся въ общепринятомъ каноническомъ кодексѣ, произошли въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ, то для установленія по нимъ канонической догмы необходимо было отдѣлять въ нихъ мѣстное отъ общаго, устарѣлое отъ дѣйствующаго, пояснять невразумительно изложенныя правила другими болѣе ясными, примирять кажущіяся или дѣйствительныя противорѣчія между ними,—словомъ: необходимо было *толковать* правила. Греческіе юристы и канонисты называли такія толкованія *схολіями*, латинскіе—*глоссами*. Первоначально тѣ и другія писались на поляхъ рукописей, содержавшихъ въ себѣ текстъ источниковъ, и состояли въ пояснительныхъ замѣчаніяхъ на отдѣльныя мѣста или на цѣлый текстъ источниковъ. Но съ теченіемъ времени нѣкоторыя изъ старшихъ схолій приписаны были къ самому тексту правилъ и

такимъ образомъ сами сдѣлались правилами. Такъ схолія, помѣщенная въ концѣ правилъ Григорія неокесарійскаго и объясняющая названія четырехъ степеней публичнаго церковнаго покаянія, о которыхъ говорится въ этихъ правилахъ, въ послѣдствіи принята была за послѣднее (12-е) правило названнаго св. отца. Равнымъ образомъ схолія къ послѣднему (59-му) правилу Лаодикійскаго собора, въ которомъ запрещается читать въ церковныхъ собраніяхъ какія либо книги, кромѣ признанныхъ священными,—схолія, подробно исчисляющая книги св. писанія ветхаго и новаго завѣта, составляетъ теперь 60-е правило названнаго собора. Вообще схолія, разъ внесенная въ юридическую или каноническую рукопись, оставалась въ ней навсегда. Если данное правило понималось неодинаково, то позднѣйшія схоліи принимали характеръ *критическихъ* замѣчаній на предыдущія. Это были уже схоліи на схоліи. Взятая въ своей совокупности, схолія настоящаго періода представляютъ почти сплошной комментарий на весь составъ каноническаго кодекса восточной церкви. Въ слѣдующемъ періодѣ онѣ доставили богатый матеріалъ авторизованнымъ толкователямъ этого кодекса—Аристину, Зонарѣ и Вальсамоу.

§ 18. *Епитимейники или покаянные канонаны на востокъ и пенитенціалы на западъ.* Наряду со сборниками, обнимавшими весь общепризнанные церковные каноны, въ настоящемъ періодѣ появились и такіе сборники, въ которыхъ содержались правила, спеціально отпосланныя только къ *дисциплинѣ церковныхъ покаяній*. Эта вѣтвь церковнаго права, т. е. дисциплина церковныхъ покаяній, въ настоящій періодъ получила необыкновенно широкое развитіе вслѣдствіе того, что жизнь новообращенныхъ въ христіанство народовъ представляла немало такихъ явленій, которыя противны были существованію христіанской религіи и противъ которыхъ, поэтому, церковь должна была дѣйствовать всѣми силами и средствами своего духовнаго авторитета. Всѣхъ нарушителей закона Божія, всѣхъ явныхъ грѣшниковъ церковь подвергала своимъ запрещеніямъ, своимъ духовнымъ карамъ, сущность которыхъ состояла въ лишеніи всѣхъ или только нѣкоторыхъ правъ, принадлежащихъ члену церкви, пока виновный не загладитъ своего преступленія болѣе или менѣе продолжительными и суровыми подвигами церковнаго

покаянія. Правила о церковныхъ покаяніяхъ составляютъ весьма видный отдѣлъ и въ составѣ обще-церковнаго каноническаго кодекса. Сюда относятся, напримѣръ все правила, изложенныя въ каноническихъ посланіяхъ Григорія неокесарійскаго, Василія Великаго и Григорія нисскаго. То же должно сказать и о правилахъ нѣкоторыхъ соборовъ, напр. аякирскаго и гангрскаго. Но и внѣ каноническаго кодекса до насъ дошло множество правилъ о церковныхъ покаяніяхъ неизвѣстнаго происхожденія или такихъ, которыя должны быть отнесены къ апокрифическимъ, каковы, напримѣръ, все тѣ, которыя усвояются самимъ Апостоламъ. Все указанныя правила говорятъ собственно публичныхъ церковныхъ покаяніяхъ, которыя выполнялись предъ лицомъ всей церкви въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, смотря по тяжести грѣха, и съ подраздѣленіемъ на нѣсколько степеней. Но уже въ началѣ V столѣтія эта дисциплина публичныхъ церковныхъ покаяній стала значительно ослабѣвать на востокѣ, благодаря тому обстоятельству, что наряду съ нею развилась дисциплина *тайныхъ* покаяній, т. е. такихъ которыя назначались духовниками за *тайные* грѣхи и преступленія, открываемые на исповѣди. Само собою понятно, что эти тайныя покаянія или духовническія епитиміи не могли быть такъ строги и продолжительны, каковы были прежнія публичныя покаянія. Духовнику представлялось право и сокращать и удлиннять срокъ епитиміи, смотря по нравственному состоянію кающагося (трул. 102). Подъ вліяніемъ этой дисциплины измѣнилась и прежняя дисциплина публичныхъ церковныхъ покаяній, которыя и теперь назначались за явныя преступленія противъ церковныхъ уставовъ. вмѣсто многолѣтнихъ покаяній, проходимыхъ кающимися предъ лицомъ всего церковнаго общества по степенямъ, церковные суды стали назначать за открытыя преступленія менѣе продолжительныя сроки отлученія отъ церкви; но въ замѣнъ того отъ кающихся требовались усиленные внѣшніе подвиги покаянія, какъ-то: продолжительныя молитвы съ земными поклонами, строгій постъ на хлѣбѣ и водѣ, раздача милостыни, выкупъ плѣнныхъ и т. п. Такъ образовалась новая система церковныхъ покаяній и новыя правила, относящіяся къ этому предмету. Нужно замѣтить, что эта система выработана не путемъ формальнаго законо-

дательства, а путемъ практики; поэтому и правила о церковныхъ покаянiяхъ новаго типа произошли большею частiю отъ неизвѣстныхъ авторовъ. Сборники этихъ правилъ получили на востокѣ названiе *καυονικᾶ*, *καυονάρια*, а на западѣ—*libri poenitentiales*. Древнѣйшiй изъ восточныхъ или греческихъ канонарiевъ приписывается константинопольскому патрiарху Иоанну Постнику, жившему въ концѣ VI-го вѣка. Но въ настоящемъ своемъ видѣ книга эта, дошедшая до насъ во множествѣ разныхъ редакцiй, не можетъ быть приписана Постнику, такъ какъ въ ея содержанiи находится не мало такого, что указываетъ на времена позднѣйшiя, напр. упоминаются такiе посты и праздники, конхъ въ VI-мъ столѣтiи еще не было въ восточной церкви, и дѣлаются ссылки на сочиненiя такихъ церковныхъ писателей, которые жили послѣ Иоанна Постника. Тѣмъ не менѣе книга о церковныхъ покаянiяхъ, носящая на себѣ имя этого патрiарха, пользовалась въ восточной церкви всеобщимъ уваженiемъ. Главное содержанiе этой книги составляютъ наставленiя духовникамъ, какъ они должны совершать исцелѣнiе тайныхъ грѣховъ и какiя епитимiи налагать на кающихся, сообразно съ ихъ личными особенностями (возрастомъ, поломъ, состоянiемъ и т. п.). Она переведена на разные языки народовъ, принявшихъ христіанство отъ грековъ. Именно, извѣстны переводы славянскiй и грузинскiй. Первый появился въ концѣ IX в., въ эпоху обращенiя болгаръ въ христіанство; второй сдѣланъ въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка грузинскимъ царевичемъ Евѣимiемъ, принявшимъ монашество на Аѳонѣ. Довольно значительныя отрывки изъ Постникова покаяннаго номоканона приняты и въ официальные изданiя каноническаго кодекса греческой церкви, именно въ константинопольскiй Пидалионъ и въ каноническую синтагму церкви греческаго королевства.

Въ позднѣйшихъ греческихъ и славянскихъ епитимейникахъ, составленныхъ по образцу книги Иоанна Постника, встрѣчается не мало правилъ, которыя поражаютъ наивностию и странностию своего содержанiя. Назначается, наприм., епитимiя за то, если кто положитъ ногу на ногу. О человекѣ, зачатомъ наканунѣ воскресенья или праздника, предсказывается, что онъ будетъ или воръ, или разбойникъ, или пьяница. Неудивительно поэтому, если высшая духов-

ная іерархія относилась къ подобнымъ епитимейникамъ съ большимъ неодобреніемъ. Такъ, напр., нашъ русскій іерархъ XII в. Нифонтъ новгородскій, когда ему прочитали вышеприведенное правило о человѣкѣ, зачатомъ подъ воскресеніе или подъ праздникъ, замѣтилъ: „такія книги годится съжечь“. Впослѣдствіи нашъ митрополитъ Кипріянь въ своемъ индексѣ или перечнѣ „отреченныхъ“, т. е. негодныхъ къ церковному употребленію книгъ къ числу ихъ отнесъ и „худые номоканунцы“, что обрѣтаются „по молитвенникамъ у поповъ“.

Греческимъ канонаріямъ или покаяннымъ номоканонамъ соотвѣтствуютъ латинскіе libri poenitentiales. На западѣ первоначальнымъ отечествомъ пенитенціаловъ была ирландская и британская церковь. Особеннымъ авторитетомъ пользовался здѣсь и на всемъ западѣ пенитенціаль, приписываемый англійскому примасу, кентербюріітскому архіепископу Теодору († 690 г.), который былъ родомъ грекъ. Поэтому, конечно, въ пенитенціаль, носящемъ на себѣ имя этого автора, и встрѣчается много правилъ, напоминающихъ восточную дисциплину церковныхъ покаяній. Западные пенитенціалы, подобно восточнымъ епитимейникамъ, содержатъ въ себѣ немало странностей и нелѣпостей. Поэтому они и здѣсь подвергались иногда строгому суду церковныхъ соборовъ, какъ такія книги, quorum certi errores, incerti auctores. Но если смотрѣть на восточные епитимейники и западные пенитенціалы не съ канонической, а съ исторической точки зрѣнія, то они окажутся важнымъ источникомъ для познанія народныхъ вѣрованій, нравовъ, обычаевъ и вообще культуры тѣхъ странъ, гдѣ произошли эти книги.

А. Павловъ.